

Назим Джафарли

Азербайджанское государство Сефевидов

© Н. Джафарли, 2009

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009

Предисловие

История человечества – духовное наследие народов, величие которых состоит в их исторических достижениях, прежде всего в создании и развитии мощной государственности, политико-правовых основ власти. Каждый новый период в истории развития государства, сохраняя преемственность традиций, привносит в государственность новые элементы, закладывает в ее фундамент новые пласты, все выше воздвигая это великое здание, создает почву для ее дальнейшего развития.

Однако история государства свидетельствует не только о его величии. Жизнь богаче желаний и устремлений его правителей, в ней закономерны взлеты и перепады. История полна таких примеров. Но всегда величие и расцвет государства зависели от его прочности, стабильности, четкой налаженной деятельности его государственного аппарата. История, железной рукой отбрасывая прочь все преграды – внутренние противоречия и внешние воздействия, будто сознательно очерчивает пути укрепления государства и возвеличивания его славы. Во всем этом сложном и противоречивом процессе умение раскрыть внутренние закономерности, проанализировать составные государственной власти, раскрыть их природу, дать объективную оценку функционирующему государственному аппарату – дело значительной важности и огромной ответственности. Такую миссию взял на себя автор настоящей монографии, избравший предметом своего исследования один из столько же интересных, сколько и сложных, малоразработанных периодов истории азербайджанской государственности – период правления династии Сефевидов, вошедшего в мировую историю как могущественное Сефевидское государство.

Из глубин веков перед нами воссоздается картина создания и укрепления мощной системы государственных органов исследуемого периода. Автор, проникая в глубинные пласты государственной жизни, раскрывает объективные причины ее структурных изменений, гибкой государственной политики, целеустремленно направленной на централизацию власти, постоянное совершенствование государственного аппарата.

Вниманию читателей представлен слаженный государственный механизм, характеризующийся прочным взаимодействием его структурных составляющих, центральной власти с органами на местах. В главах монографии тщательно и глубоко анализируются система центральных органов власти и управления, правовая природа шахской власти – неограниченной власти главы Сефевидского государства, правившего страной посредством четко организованной системы управления, рассматриваются функции и полномочия «Меджлиси ала», Али везерат дивана, центрального финансового управления. Глубокому исследованию подвергнуты также местные органы власти и управления. Особо прослеживается процесс слияния светской и

духовной властей, раскрываются место и роль высших религиозных должностей.

Предметом монографического исследования стало рассмотрение сложной судебной системы периода Сефевидов, скрупулезный анализ порядка и принципов их формирования, функций и форм деятельности. В центре особого внимания находится характеристика Высшего дивана – верховного судебного органа. Подробно исследуются и вопросы организации и компетенции местных судебных органов, их место в общей судебной системе, взаимодействие с вышестоящими судебными инстанциями.

Таким образом, автором последовательно показаны динамичность и гибкость государственного аппарата, систематическая перестройка его механизма в целях приспособления к новым обстоятельствам, централизации государственной власти, обеспечения четкости и координации взаимодействующих звеньев государственного аппарата.

Богатая история государственной жизни периода правления Сефевидов не могла не дать насыщенного материала для глубоких исследований. Страницы предлагаемой вниманию читателей монографии являются такими же содержательными, как и история самого Сефевидского государства. Но это уже заслуга автора, который, будучи искренне преданным целям исследования, вжился в государственную жизнь, прочувствовал ритм деятельности государственного аппарата и создал свой труд, насыщенный богатым фактологическим материалом, их глубоким анализом, а также критическим изучением отечественных и зарубежных исследований, научных подходов к оценке столь далекого от нас по времени государства.

Оценка исторических фактов с новых позиций – переоценки государственно-правовых ценностей – задача не только исключительной важности, но и исключительной сложности. В этом деле научный успех постоянно сопутствует автору представленного труда, который является плодом глубоких раздумий, поисков, серьезных научных оценок и выводов.

Монография отличается от скудных по данной проблематике отечественных исследований введением в научный оборот материалов, до сих пор неизученных в историко-правовой литературе. Новизна монографии, однако, заключается не только в этом. Одна из ее особенностей – привлечение широкого правового материала. Автор подошел к рассмотрению проблемы как историк права, опираясь в своих изысканиях на законодательство Сефевидского государства, еще не ставшее объектом историко-правового анализа.

В заключение следует еще раз подчеркнуть значимость подобных исследований как для историко-правовой науки и широкой общественности, так и для азербайджанского народа. Монография убедительно показывает величие его исторического прошлого, вдохновляет на новые дела, новые подвиги, ибо народ живет не только прошлым. Не может народ, имеющий такое героическое прошлое, не быть созидателем нового общества, ибо величие каждого народа состоит не только в его историческом прошлом, но и в настоящем и историческом будущем.

Редактор: чл. – корр. НАН Азербайджана, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики М. Ф. Меликова

Введение

После распада Советского Союза наш народ столкнулся с рядом очень сложных проблем, таких как создание собственного независимого государства, формирование властных и

управленческих органов государства. В силу того, что переход от одной системы к другой требует коренного изменения как базиса, так и надстройки, он также требует проведения реформ во всех областях нашей жизни – общественной, политической, экономической, социальной и, наконец, в юридической, осуществления серьезных изменений и нововведений, обеспечивающих соответствие формируемых новых властных и управленческих органов целям и интересам народа.

Эффективность и успех предстоящих в сфере государственного строительства реформ, формирование властных и управленческих органов нового государства наряду с другими факторами в большой мере зависят от исторического опыта, традиций национальной государственности, максимального использования всего положительного, рационального, что имелось в отдельных государствах, существовавших на протяжении богатой истории нашей государственности.

Несмотря на острую нужду, исследование истории государства и права в Азербайджане долгое время находилось вне внимания, исследователи отдельных республик, входящих в Советский Союз, также как ученые, проводящие изыскания в области истории государства и права в нашей республике, не исследовали в качестве объекта специального исследования тот или иной период истории государственности Азербайджана, включая историю государства и права в эпоху государства династии Сефевидов, обладавшего высокоразвитой системой государственного строя и права. С этой точки зрения исследование отдельных периодов истории государственности Азербайджана очень важно для заполнения пробелов, имеющих в юриспруденции в этой сфере, и доведения этого до широких читательских масс.

Выбор в качестве объекта исследования государственного строя Азербайджана в эпоху Сефевидов служит этой же цели. С другой стороны, государство Сефевидов, составляющее одну из ярчайших страниц истории государственности Азербайджана, охватывает несколько веков – период, когда азербайджанский народ обладал независимым государством. Естественно, что обладание независимым государством на протяжении длительного времени открывало широкие возможности для создания государства, формирования и усовершенствования государственных органов, позволило создать образец государства, обладающего совершенной, самобытной системой управления, и передать его будущим поколениям. Исследования и представление устройства органов центральной и местной власти и управления государства Сефевидов, основа которого была заложена в начале XVI века, взаимосвязи в нем между органами центрального и местного управления, системы судебных органов и т. п. могут сыграть на современном этапе определенную роль для использования традиций национальной государственности в работе по национальному государственному строю Азербайджанской Республики, строящей независимое государство.

Материалы, касающиеся системы центрального и местного управления Сефевидов и, в целом, их государственного строя мы впервые встречаем в работе выдающегося ученого И. П. Петрушевского (163; 164). Хотя И. П. Петрушевский и не ставил перед собой задачу исследовать государственный строй, он так или иначе обратился к устройству центрального бюрократического государственного аппарата Сефевидов, к их системе местного управления и дал их научные описания. Автор в определенной степени исследовал институты халифат аль-хулафа, амир аль-умара и дал, хотя и краткие, сведения об устройстве органов управления Азербайджанского, Ширванского, Карабахского беглярбекств. Исследования И. П. Петрушевского, несомненно, имеют огромное значение для изучения истории государственности Азербайджана в XVI–XVII веках.

Для изучения темы, выбранной нами в качестве объекта исследования, существенное значение имеют научные исследования О. А. Эфендиева (38; 39; 49). В его монографиях, составленных в результате серьезных исследований, были широко исследованы возникновение государства Сефевидов, его общественно-политическое и экономическое

устройство, приведены краткие сведения о сути функций государственных чиновников, работавших в органах центрального и местного управления – визирях, векилах, беглярбеках, корчубаши, садры и т. д.

Вместе с тем некоторые аспекты государственного строя Сефевидов были исследованы и проанализированы в изысканиях, опубликованных статьях и монографиях таких исследователей, как С. Б. Ашурбекли, З. Байрамов, А. Н. Гулиев, М. С. Иванов, Ю. М. Махмудов, Ш. А. Месхия, Ш. Мамедова, А. П. Новосельцев, С. Онуллахи, А. А. Рахмани, Н. И. Сургуладзе, Ш. Фарзалиев, М. Х. Гейдаров.

Среди исследовательских работ, опубликованных за последние годы, выделяется монография Шукюфы Мамедовой, посвященная анализу произведения «Хуласат ат-таварих» и уделяющая, в отличие от других, более широкое внимание комментированию сведений о системе государственного строя и управления, приведенных источником (131).

Для решения поставленной в монографии задачи и важной значение имели первичные источники эпохи, мемуарные произведения европейских путешественников, миссионеров, купцов, дипломатов, дошедшие до нас произведения придворных историков, летописцев. Такие источники можно разделить, в основном, на две группы:

а) источники общего характера, связанные с темой не напрямую, а косвенно. В этих источниках приводятся краткие и эпизодические сведения, касающиеся тех или иных проблем темы;

б) произведения, посвященные непосредственно государственному строю, и нормативно-правовые акты. В число таких источников входят работы Мирзы Самииана «Тазкират али-мулюк», Мирзы Рафиана «Дастур аль-мюлк», а также указы, изданные шахами. В источниках такого рода приводятся ценные сведения об органах, входивших в центральный государственный аппарат, их структуре, системе местного управления, механизме контроля, проводившегося государством, правилах назначения на должность отдельных лиц и прочих вопросах.

Одна из рукописей работы «Тазкират аль-мулюк» впервые была переведена на английский язык в 1943 году в Кембридже известным ученым-востоковедом В. Ф. Минорским, и к работе был написан пространный комментарий, использованный нами в качестве источника при написании книги (135).

Интересные сведения об Азербайджанском беглярбекстве, его устройстве, таких вопросах беглярбекства, как административное устройство, финансы, права и обязанности беглярбеков в сфере организации вооруженных сил, приведены и немецким ученым Рехр Берном в работе «Устройство провинций в эпоху Сефевидов» (176).

Большое значение при написании монографии имели работа Фазли Исфакхани «Афзал ат-таварих», содержащая в себе текст и копию многих указов, которые отсутствуют в архивах, работы Хондамира «Хабиб ас-сияр фи-ахбар-и афрад аль-башар», «Дастур аль-вюзара», «Намейи нами».

Одним из источников получения ценных сведений является и работа азербайджанца по происхождению Искендер-бея Мюнши «Тарих-и алям арай-и Аббаси». Автор источника жил в эпоху Шаха Аббаса I, работал финансовым чиновником и подробно описал события, свидетелем которых он стал, сопровождая шаха в его походах и поездках. Автор приводит ценные сведения о правителях городов и провинций, высокопоставленных религиозных деятелях, начиная с эпохи Шаха Исмаила I и включая эпоху Шаха Аббаса I.

Много ценных сведений дала для написания книги и работа автора Будага Газвини «Джавахир аль-ахбар». Б. Газвини, занимавший различные должности в эпоху Сефевидов, как чиновник приводит интересные сведения об устройстве бюрократического

государственного аппарата, особенностях деятельности отдельных чиновников, правилах их назначения на должности и увольнения с работы и т. п. Приведенные им сведения о беглярбеках, калантарах, даругах, казнях, садры, шейх уль-исламах, мухтасибах и шариатских судах были использованы во время исследования для многих уточнений и научных выводов.

Существенное значение для разработки темы имели и работы европейских путешественников, дипломатов, деловых людей. В частности, были использованы работы Винченцо д'Александри, Тавернье, Шардена, Адама Олеари, Энгельберга Кемпфера, Сансона, Петро делле Валле, Керрари. Однако они в своих мемуарах, книгах путешествий зачастую допускают неточности, искажают суть событий. В частности, искажения допускаются при освещении деятельности религиозных судов. Поэтому, используя работы этих авторов, мы отнеслись к ним критически и, сравнив их с другими источниками эпохи, попытались достичь объективных выводов.

Глава I. Центральные органы власти и управления

1.1. Шахская власть. Сочетание религиозных и светских полномочий

Азербайджанское государство Сефевидов, являвшегося одним из крупнейших государств Востока, возникло на месте своих предшественников – государств Гарагоюнлу и Аггоюнлу. Сефевиды, также как династия Гарагоюнлу и Аггоюнлу пришли к власти воспользовавшись помощью тюркских племен и опираясь на их социальную базу. Кызылбаши долгое время вели борьбу за приход к власти в пределах государства Аггоюнлу подготовив идеологическую почву для создания своего государства. Еще до прихода к власти Исмаила Шейх Сафи, Шейх Джунейд и Шейх Гейдар с помощью своих мюридов вели широкую пропаганду среди тюркских племен, живших на обширной территории, находившейся во власти Аггоюнлу, – в Азербайджане, Малой Азии, на юге Ирана, распространяя суфизм, и тем самым снискали славу святых, облегчив себе будущую борьбу за власть.

В результате проведенных подготовительных работ Исмаил, собрав вокруг себя своих амиров, объединил тюркские племена Афшаров, Зульгадаров, Шамлы, Текели, Каджаров, Устаджлы, Карадаглы и т. д., с их помощью победил повелителя Аггоюнлу Альвенда Мирзы и провозгласил свою власть в Азербайджане. Эти тюркские племена и их влиятельные эмиры оказали Сефевидам военную, материальную и моральную помощь. Если сравним государственный строй Гарагоюнлу, Аггоюнлу и Сефевидов, мы не увидим никакой принципиальной разницы в строе этих государств. Все три государства существовали на одной и той же территории – в Азербайджане, все трое функционировали, опираясь на три института, свойственные всем восточным государствам, – финансы, воинство и общественное производство.

Однако более тесное ознакомление с источниками и литературой, посвященными дате возникновения государства Сефевидов, формирования его органов управления, показывает, что основа государственных органов Сефевидов, пусть даже в ограниченном масштабе, была заложена до вступления на престол Исмаила. Советники Исмаила Гусейн бек Леле, Хадим бек Хулафа и Деде бек создали «малую дворцовую организацию» (181, л. 13).

А основа армии Сефевидов была заложена еще в эпоху Шейха Гейдара. В этой армии наряду

с военными чинами и званиями можно было встретить и обладателей гражданских должностей. По сведениям, предоставленным источниками, еще при нападении Исмаила на Ширван в 1500 году в боях участвовал ряд лиц, обладавших такими должностями, – Салман бек – казначей, Халил бек Афшар – суфрачибаши и халифат аль-хульфа (46, л. 214а; 26, с. 24). Отбыв из Шамахи в Махмудабад на зимовку, Исмаил назначил визирем туда амира Закарийя Тебризи Кечачи, которому торжественно присвоил титул «Ключ от Азербайджана» («Келиде Азербайджан») (46, л. 14а).

В тот период Сефевиды приняли и один из символов государства – флаг. Этот флаг был изготовлен из четырехугольной ткани, и на нем были вышиты слова «Фатхи Анна» («Мы победим») (101, т. 4, с. 460; л. 43б, 54б, 58а). В средней части флага располагалось изображение солнца, а по углам – цитаты из Корана. Во время участия в битве под Чабани Гусейн-бек Леле и Абдулла-бек имели уже титулы амиров аль-умара, Мовлана Шамсаддин Гилани – садры, а Устаджлы Мухаммед и Ильяс бек Уйгуроглу – амиров-азам.

Из вышеизложенного следует, что учреждение параллельно с формированием армии таких должностей, как визирь, эмир аль-умара, халифат аль-хулафат, садры, парваначи и других, показывало на заложение, хотя и в ограниченной форме, основы Государства Сефевидов и частичное представление в этом государственном аппарате правящего слоя.

Таким образом, до того, как объявить себя в 1501 году в Тебризе шахом, Исмаил, опираясь на высшую военную знать, заложил основу нового государственного аппарата и создал своего рода «правительство».

А впоследствии расширение центральных органов государственного управления, основа которых была заложена во время военных походов, было продолжено. Для того, чтобы осуществить мечту своих дедов и отца – создание великого шиитского государства – Исмаил собирал вокруг себя тюркские племена, сыгравшие основную роль в создании и укреплении государств Гарагюнлу и Аггюнлу и использовал влияния и силу военно-феодальной знати этих племен.

Состоящая из кызылбашей военно-феодальная знать стала основной силой и опорой Исмаила и после его официального прихода к власти.

Именно поэтому со дня провозглашения себя шахом Исмаил начал назначать эмиров-кызылбашей правителями не только в тех провинциях, в которых они проживали, но и, вообще, на всей территории империи. Амиры-кызылбаши были назначены не только в отдельные провинции и города Азербайджана, но и в Герат, Керман, Исфахан, Шираз и в другие местности. В Герат был назначен правителем Зейналхан Шамлы, в Балхи и его окрестности – Али бек Румлу (Див Султан), Хойя Амир хан Мосуллу (46, л. 223а).

После объявления Исмаила шахом государственный аппарат Сефевидов, состоящий из кызылбашей и заложенный еще в период борьбы за власть, еще более расширился, и основную роль в этом государстве стала играть азербайджанская феодальная знать. Сефевиды и сами по происхождению принадлежали к роду азербайджанских (тюркских) шейхов Ардебиля (22, с. 780).

Официальным языком, употребляемым как во дворце, так и в армии, был азербайджанский. То, что в Государстве Сефевидов азербайджанский язык являлся официальным государственным языком, не было случайным, это вытекало из длительного существования на территории, где образовалось государство Сефевидов, таких азербайджанских государств, как Гарагюнлу и Аггюнлу, в которых азербайджанский язык был официальным государственным языком.

Затрагивая данный вопрос, И. П. Петрушевский отмечал, что во дворце и в армии Сефевидов был принят азербайджанский язык, который был понятен для всех тюркских племен,

проживающих в тот период в Передней Азии, этот литературный язык был распространен далеко за пределами Азербайджана (163, с. 71).

Шах Аббас I, взойдя в трон, попытался положить конец самостоятельности кызылбашей и ограничил ряд их привилегий в целях укрепления центральной власти. Однако, несмотря на проведенные им меры, эмиры-кызылбашы и азербайджанский язык продолжали играть основную роль в государстве и в период его правления, а также после его смерти.

О том, что азербайджанский язык являлся государственным языком Сефевидов, сообщают и европейские путешественники, послы других стран. «В Иране говорят не на фарси, а на тюркском (азербайджанском) языке, и этот язык на самом деле является языком дворца и знати. На приеме у Шаха Аббаса I присутствовали представители других стран, шах разговаривал с ними на тюркском языке» (148, с. 183).

Азербайджанские ученые О. А. Эфендиев, А. А. Рахмани, С. М. Онуллахи и другие в своих работах на основании многочисленных источников проанализировали строй и характер государства Сефевидов в XVI–XVII веках и неопровержимыми фактами доказали, что оно было Азербайджанским государством. То, что (49, с. 297; 153, с. 141–158) официальным государственным языком являлся тюркский (азербайджанский), (не оспаривают и иссходователи других стран) язык и основную роль в управлении армией и государством играли кызылбашы.

Таким образом, основа Азербайджанского государства Сефевидов была заложена тюркскими племенами кызылбашей под предводительством рода Ардебильских шейхов.

Государство Сефевидов было типичным феодальным государством, и во главе государства стоял шах.

Термин «шах» впервые стал употребляться Исмаилом I. До него, даже в XV веке, ни один из правителей Гарагоюнлу или Аггоюнлу не именовался шахом. А Джаханшах Гарагоюнлу был назван так при рождении. С другой стороны, поскольку сефевидские правители были азербайджанцами, слово «шах» употреблялось перед их именем. Например, Шах Исмаил, Шах Тахмасиб и т. д. Если бы они были по национальности персами, слово «шах», то есть прилагательное, следовало бы после имени. Например, Рза шах, Мухаммед Рза шах и т. д. Правда, у шахов, принадлежавших к династии Каджаров, слово «шах» также употреблялось после имени. Например, Ага Мухаммед шах Каджар, Фатали шах, Музаффараддин шах. Однако это объясняется тем, что в то время, то есть в последние периоды правления Сефевидов в государстве начался процесс иранизации, и потому слово «шах» прибавлялось к имени правителей Каджаров в конце. В то время, как главы государств Гарагоюнлу и Аггоюнлу считались только светскими главами государства, Сефевидские шахи считались как религиозными, так и светскими главами. То есть в отличие от правителей Гарагоюнлу и Аггоюнлу «Сефевидские шахи как светские правители не только пользовались неограниченной властью, но и как наследственные главы Ардебильской секты дервишей представляли в своем лице верховную религиозную власть» (49, с. 224).

Следует отметить, что религиозная основа для прихода Сефевидов к власти и создания ими государства кызылбашей была заложена еще в эпоху Шейха Сафиаддина (1252–1334). Эту мысль подтверждает и то, что с ним считались Газан хан и Улджайту Абу Саид. После главы суфийской секты Шейха Сафиаддина возглавление секты было сосредоточено наследственным образом только в руках Сефевидской династии.

Потому что название секты и фамилия шейхов были присвоены Шейху Сафиаддину Исхагу аль-Мусави-аль Ардабили, а после него – его сыну Хадже Садраддину Мусе. С другой стороны, среди приверженцев секты было много земледельцев, ремесленников и торговцев. В то время, как отцом Шейха Садраддина и был простой земледелец, сам Шейх Садраддин и

ставший после него главой суфиев по наследству Хаджа Садраддин Муса превратились в крупных феодалов. При этом ни Шейх Сафиаддин, ни Хаджа Садраддин Муса (скончался в 1392 году), и ни его сын Хаджа Али (скончался в 1427 году) не были еще правителями Ардебилья. Однако Шейх шах Шейх Ибрагим (скончался в 1447 году) был правителем феодального владения Ардебиль. Так возникла власть Ардебильских Сефевидских шейхов. (163, с. 67).

После Шаха Исмаила I шахство было наследственным. Сефевидские шахи обладали неограниченными полномочиями. Они не видели и не боялись никаких препятствий перед своим господством. В руках шахов было сосредоточено все – заключение договоров, объявление войны и мира, назначение лиц на высокие должности, присвоение военных званий и чинов, издание указов о налогах, союргалах, новые налоги и повинности, чеканка монет, их замена, даже права каждого подданного, включая женщин и детей, на распоряжение имуществом. В то время, как сам шах не имел никакой ответственности перед законом, все государственные чиновники страны, высокопоставленные и низких чинов, несли перед ними ответственность (40, с. 14). В очень редких случаях, отдыхая, шах поручал управление страной главному визирю. Встречались и исключения – после поражения в войне, во время болезни и в иных случаях Сефевидские шахи долгое время не выходили из гарема, и страной по поручению шаха управлял визирь. Например, Шах Исмаил I после поражения в битве при Чалдыране в 1514 году 10 лет, то есть до смерти, в крайне редких случаях выходил за пределы своего дворца, а для Шаха Тахмасиба это продолжалось 11 лет. На протяжении этого срока Шах Тахмасиб не выходил на охоту, чтобы встретиться там со своими подданными и выслушать их жалобы, и подданные не могли попасть к нему на прием. Венецианец Алессандро пишет: «Население было сильно недовольно этим. Потому что согласно традициям этой страны, не имея возможности увидеть шаха, никто не мог пожаловаться на притеснения, жалоб никто не выслушивал. И потому люди, проводя свое время месяцами перед домом правосудия, громко рыдали. Порой количество собравшихся превышало тысячу человек. Падишах, услышав их крики, обычно издавал указ, чтобы жалобщиков удалили оттуда. Шах говорил: «Жалобы в стране рассматриваются моими заместителями, и ими же разбираются судебные дела» (215, с.438).

Иногда, из-за болезни или страсти, которые мешали ему выполнить своих функций, он поручал часть своих полномочий своей супруге. Например, в первые годы правления Султана Мухаммеда Худабенди перед его глазами брат пронес раскаленное железо, ослабив тем самым его зрение, и потому он был не в состоянии самостоятельно управлять страной. Из-за этого его супруга Фахрунниса Беким родом из Мазандарана сосредоточила часть полномочий шаха в своих руках. Она отстраняла от высоких должностей кызылбашей и назначала на эти должности мазандаранцев. Эмиры кызылбашей, в частности, Пир Мухаммед хан Устаджлы, Мухаммед хан Туркмен, Нургасан Султан Шамлы, объединившись, 26 июля 1579 года убили жену Султана Мухаммеда Худабенди Фахруннису Беким (мать Шаха Аббаса I – Д. И.) в присутствии мужа (30, с. 28).

Амиры кызылбашей привели к власти Аббаса Мирзу. Несмотря на приход к власти с помощью кызылбашей, Шах Аббас решил ограничить роль кызылбашей в государстве и с этой целью в 1588 году распустил диван (Военный Совет), большую часть членов которого составляли эмиры-кызылбаши. Шах взял на себя все полномочия, касающиеся дивана, и стал самостоятельно решать вопросы, которые решались диваном. Создалась своего рода абсолютная монархия. В 1589 году были убиты противники власти Шаха Аббаса, в том числе Муршудгулу хан, Мухаммед хан Туркмен. Словом, убиты были все амиры-кызылбаши, которые были причастны к насильственной смерти его матери (172, с. 34–35).

И. П. Петрушевский и А. А. Рахмани, исследуя данный вопрос, сделали вывод, что после прихода к власти Шаха Аббаса I позиции кызылбашей в государстве ослабли, усилились персидские этнические группировки. Вследствие военной реформы Шаха Аббаса роль азербайджанской знати – кызылбашей была ослаблена, ликвидирована монополия

кызылбашей на ношение оружия. Кроме того, Шах Аббас I ликвидировал наследственный переход к кызылбашам должностей. Согласно распоряжению шаха эту должность могло занять любое лицо. Создание армии из различных племен нанесло удар по традиции создания в Азербайджанском Сефевидском Государстве армии по племенному принципу. Начиная с этого времени кызылбаши не могли уже быть этнически едиными. А. А. Рахмани объясняет этот процесс сокращением численности кызылбашей в армии Шаха Аббаса I, созданием армейских частей из кызылбашей, гуламов, стрелков и артиллеристов, снижением роли кызылбашей в военных частях. И, наконец, перенос столицы из Газвина в Исфахан в 1598 году, сокращение ряда налогов в центре государства (Ираке) и другие основания указывают на то, что в начале XVII века процесс превращения Азербайджанского государства кызылбашей в персидское сефевидское государство был завершен (172, с. 35–38).

И. П. Петрушевский сообщает, что процесс превращения Азербайджанского Государства в персидское государство начался в начале XVII века и завершился в 1925 году с приходом в Иране к власти династии Пехлеви (163, с. 72).

Нельзя, однако, забывать, что размещением вместо кызылбашей гуламов и роспуском 22 тысяч корчу из военных частей кызылбашей Шах Аббас I стремился снизить роль кызылбашей в центральном государстве, потому что, как сказал он своим приближенным, «силой, способной оказать сопротивление шахской власти и стать к ней в оппозицию, могли быть только эти корчу». В силу этого шах приложил много усилий к тому, чтобы снизить их авторитет в армии, лишил их привилегий, отдав эти привилегии гуламам. Однако он этим и ограничился и не сумел полностью выполнить свою цель (76, с. 582–583). В то время, как каждый из конных корчу, состоящих из кызылбашей, получал в год жалованье в 9—15 туменов, каждый из гуламов, большей частью грузин и армян, получал жалованье в 5–8 туменов в год (76, с. 582). Значит, Шаху Аббасу I не удалось полностью снизить роль кызылбашей в государстве.

По нашему мнению, высказанная И. П. Петрушевским мысль о том, что превращение Азербайджанского Сефевидского государства в персидское государство завершилось в 1925 году, наиболее соответствует истине.

Следует отметить, что во времена перемен в шахстве новый шах какое-то время не выполнял свои обязанности во всей их полноте. Управление государством временно переходило в руки феодальной знати. Эту мысль подтверждают слова немецкого ученого Энгельберга Кемпфера. Он писал, что «каждый раз при появлении в стране каких-то перемен все испытывали страх, не зная намерений шаха. Придворные стремились завоевать расположение шаха, быть осведомленными об образе мыслей шаха и гармонизировать с ним свои поступки и деятельность либо, приблизившись к одному из приближенных шаха, обеспечить с дружеской помощью свои личные интересы и перекрыть дорогу соперникам, каждый старался предстать в лучшем виде» (40, с. 43–44).

В первоисточниках эпохи, в мемуарах европейских путешественников можно встретить много противоречивых мнений относительно жесткости или справедливости Сефевидских шахов.

Французский дипломат и предприниматель Тавернье пишет о Шахе Сулеймане, что «он любил выходить на охоту вместе со своими женами, поручал все дела своим визирям и редко вмешивался в дела страны. Бывало, что по 10–12 дней не появлялся на людях, и никто не осмеливался к нему обратиться» (76, с. 512–513). Высказывания Кемпфера о Шахе Сулеймане совпадают со словами Тавернье. Однако в отличие от них обоим Сансон, побывавший в 1683 году в Персии, называя 48-летнего Шаха Сулеймана «шахом, имеющим вид величественный и дружелюбный», писал: «Шах отличается добродушием, он приветлив. Он испытывает такую неприязнь к пролитию крови, что страдает даже от казней обыкновенных преступников... очень любит подданных. Для того, чтобы узнать нужды населения и проверить, как его чиновники обращаются с народом, часто, сменив шахский

народ, появляется среди простого люда. Не раз шаха встречали по ночам в крестьянской одежде за покупкой хлеба и прочего». (182, с. 28–30).

На наш взгляд, Сансон написал правду: еще Шах Аббас I за справедливость получил прозвища «кабир» (великий) и «адиль» (справедливый). Тавернье, негативно отзывающийся о Шахе Сулеймане, именует Шаха Аббаса I «умным, деятельным», а Шаха Аббаса II – «очень умным падишахом, который интересуется всем, стремится всесторонне все изучить, собрать информацию обо всем и отовсюду и который во всем этом осведомлен». Тавернье пишет: «В целом персы (на самом деле – азербайджанцы – Д. Н.) наиболее умны, внимательны и находчивы из всех азиатских народов, и не отстают по уму и предприимчивости от европейцев» (76, с. 461).

О Шахе Аббасе I Тавернье написал: «За свое мужество и хорошее обращение Шах Аббас I был достоин прозвища «кабир». А о Шахе Аббасе II он высказал следующее: «Он был отважным воином. Любил иностранцев и пришлых, умел рисовать». (76, с. 497–507).

С другой стороны, когда шахи восседали на престоле до достижения ими зрелости важную роль в стране играли главный визирь и бывший воспитатель шаха. Это, однако, относится не ко всем шахам, включая Шаха Исмаила I и Шаха Аббаса I. Для того, чтобы приобрести опыт в государственных делах, юные царевичи также назначались правителями в провинции и таким образом проходили испытательный период. А малолетний царевич, как правило, поручался воспитателю, который назывался «Леле». Все административные и гражданские дела на территории, предоставленной в распоряжение царевича, управлялись посредством его Леле, то есть воспитателя (59, с. 44). Однако по достижении совершеннолетия шах управлял провинцией самолично.

О справедливости Шаха Аббаса I, Шаха Тахмасиба, Шаха Исмаила II, Шаха Аббаса II имеется достаточно фактов и сведений и у европейских путешественников и в персоязычных источниках. Однако мы вынуждены с сожалением констатировать, что в нашей исторической литературе все шахи в соответствии с манерой, свойственной советскому периоду, представлены читателю как жестокие тираны. То, что Шах Аббас I, сменив шахский народ, ходил в одежде подданных по рынкам, лавкам каравансараев и чайных, один день в неделю, сидя в суде, рассматривал заявления, а Шах Аббас II трижды в неделю, сидя в доме правосудия, рассматривал заявления, известно нам из источников эпохи.

Как абсолютные повелители своей страны Сефевидские шахи обладали и законодательными полномочиями. Как известно, шахами издавался свод законов об управлении гражданскими, финансовыми и административными делами страны под названием «Дастур уль-амал». Свод законов, изданных правителем Аггююну Узун Гасаном, действовал вплоть до свода законов, изданного Шахом Тахмасибом I в 963 году Хиджры (1555–1556). В указанном году Шах Тахмасиб I издал закон и представил его в высочайшую канцелярию для снятия копий. Копии, снятые с этой грамоты, были отправлены в провинции для исполнения. Абди бек Ширази пишет: «В его эпоху не было такого человека, чтобы после совершения преступления остался ненаказанным. Он сократил в Исфахане, Кашане, Гуме, Ираке и других местах полностью, а в Тебризе, Ширазе наполовину налоги, взимаемые ежегодно с питейных заведений, опикурилен, игорных домов, налоги «савари», «низул», составлявшие 15 процентов финансовых доходов страны, хлебные деньги, составлявшие 10 процентов доходов страны, налоги «мохтарифа», взимаемый с ремесленников, и «тамга», взимаемый с купцов. Написав письмо-проклятье, подарил подданным. Теперь с подданных не удерживается ничего, кроме подати» (47, с. 167).

Автор работ «Тарихи Солтани» Сейид Гасан ибн Муртуза Гусейн Астрабади сообщает о том, что Шах Сафи, родившийся в 1612 году, взойдя на престол в 17 лет и правивший 14 лет «обращался с подданными и слугами Аллаха очень хорошо». Он пишет: «Сев на трон, Сафи отдал приказ о том, чтобы товары продавались отныне по цене, согласованной между

покупателем и продавцом, и чтобы судьи не вмешивались в это. Из просроченных налогов он простил налогоплательщикам сумму в 500 туменов (180, с. 236). Астроном Джалаледдин Мухаммед Иезди, повествуя о Шахе Аббасе I, пишет, что он три дня с 15 по 18 мая 1593 года, рассматривал в Казвине жалобы бедняков. Во время пребывания в Астрабаде в 1008 году Хиджры (1599–1600) шах узнал, что некоторым людям, не имеющим в том нужды, был предоставлен союргал. Забрав у них союргалы, отдал их нуждающимся и повелел выколоть глаза виновным в этом (30, с. 127–190). Другая привычка Шаха Аббаса I заключалась в том, что он самолично получал информацию обо всем и отовсюду, не доверяя своим визирям. И потому он, сменив свой народ, выходил в город и покупал товары в лавках, устанавливая тех, кто обманывает покупателей в весе и количестве. Однажды ночью он в крестьянской одежде выходит из дворца, покупает в хлебной лавке батман хлеба, а в мясной – батман мяса на шашлык, возвращается во дворец и дает указание своим доверенным принести весы. Мясо и хлеб взвешивают. При взвешивании выясняется, что хлеба меньше на 57 дирхемов, а мяса на 43 дирхема. Разгневанный на тех, кто находится во дворце, особенно тех, кто контролирует в городе дела, связанные с ценами, количеством весов, на городского судью, он хочет убить их собственноручно, но по ходатайству некоторых уважаемых лиц прощает. В гневе Шах Аббас I бросает им: «Почему вы на своей должности допускаете халатность? Почему соглашаетесь, чтобы бедняку у которого несколько детей, давали им вместо одного батмана хлеба стоимостью в 900 дирхемов хлеба лишь на 843 дирхема?». Затем шах, обратившись к находящимся во дворце, спросил, какому наказанию подлежат мясник и продавец хлеба, а те от страха не смогли вымолвить ни слова. По приказу Шаха Аббаса I на площади разводится тендир. Приносят шампур длиною в человеческий рост. Продавца хлеба с мясником водят по городу и глашатаи объявляют, что за обман в весе они будут пущены сегодня по площади на шашлык и сожжены в тендире. Затем продавца хлеба бросают в тендир, а мясника пронизывают шампуром и сжигают, эта мера наказания эхом распространяется по стране (76, с. 515–516). Несмотря на то, что дело по наказанию виновных относилось к полномочиям суда, шах время от времени выносил смертельный или оправдательный приговор. При вынесении приговора он не подчинялся никакому закону. Считаясь главой религии и государства, Сефевидские повелители оставили за собой вынесение таких приговоров от имени как религии, так и государства. А порою для определения виновности или невиновности обвиняемого шах выделял комиссию, от которой требовал проверить дело и сообщить ему о результате, либо возлагал дело на правосудие.

В эпоху Сефевидов получение взятки, обман в обвес и обсчёт покупателей, дезертирство, сдача в плен во время боя считались тяжкими преступлениями. При совершении преступления высоко поставленными государственными чиновниками они наказывались лично перед лицом шаха. Обычай был таков, что если шах, издав указ о чьей-то казни, покидал помещение суда, приговор о казни этого человека становился окончательным, и он подлежал немедленной казни. Однако если после указа о казни шах оставался на месте, указ о казни мог быть им заменен. Определенную роль здесь играл и исполнитель указа. Если лицо, исполняющее шахский приказ, откладывало его исполнение и не выполняло немедленно, то шах по ходатайству одного из придворных мог простить человека, о казни которого издал указ. Например, исполнительный чиновник постепенно снимал с осужденного шапку, одежду, затем усаживал на землю и волочил в таком состоянии перед шахом, ожидая, что шах, увидев виновного в таком состоянии, проявит снисхождение, или кто-то из придворных с угрозой для себя попросит у шаха простить его. Тавернье пишет: «Зачастую случалось так, что шах отменял отданные им указы о казни некоторых людей или же заменял такое наказание 200 ударами палкой о пятки осужденного. А порою случалось и так, что человек умирал от ударов палки» (76, с. 538).

Выше мы отмечали, что Шах Аббас I создал адалят дивани (диван правосудия) и три ряза в недели рассматривал заявление жалобщиков. Согласно Кемпферу так поступал и Шах Сулейман. Кемпфер писал, Шах Сулейман зачастую объяснял казиям, в чем заключаются их обязанности. Его никогда не беспокоило скопление перед дворцом людей, пришедших с

жалобой на обилие налогов или на судей. При доказанности вины судей он строго наказывал их. В случае необходимости Шах Сулейман отдавал указ о казни диванбеи, который считался одним из наиболее высокопоставленных должностных лиц. А в Государстве Сефевидов диванбеи был казием самого высокого ранга, рассматривающим уголовные дела (40, с. 59, 66, 68).

Шах Сулейман вел борьбу и со взяточничеством. Без получения взятки начальники придворных учреждений, министры не решали ни одного вопроса. Они довели до отчаяния все население. Простые люди не знали, как довести свои жалобы до шаха. Никто не осмеливался сообщить шаху о притеснениях со стороны министра, потому что люди, находящиеся днем при шахе, подчинялись министру. Однажды ночью шахский конюх Ага Сары и главный казначей Ага Кафур, улучив время, сообщили шаху о том, что министр получает с населения взятки, вызывая у него недовольство шахом. Вызвав министра, шах сказал: «Снимите с этой собаки шапку и три дня продержите его в таком виде под открытым солнцем, чтобы впредь не брал взяток с моих подданных и хорошо обращался с населением. Затем он приказал заковать министра в цепи и бросить в темницу, держать там до конца его дней и ежедневно выдавать ему на питание одну грушу. Однако министр спустя 8 дней умер в темнице» (76, с. 536).

Джафар хан, принадлежавший к известным личностям дворца, также путем притеснений, незаконно получил с подданных деньги в крупной сумме. Шаху жалуются на это. Когда шах спросил об этом у начальника придворных музыкантов, тот сказал, что вопрос выдуман и на Джафар хана клеветают. Затем шах спрашивает о Джафар хане у Гаджи хана, только что вернувшегося из Мекки. Гаджи так же, как начальник музыкантов, расхваливает Джафар хана. Шах, будучи глубоко осведомленным в этом вопросе, обращается к другим придворным, присутствующим там, со словами: «Как поступить с этими двумя лицемерами? Они сказали неправду». По приказу шаха у начальника музыкантов вырывают два зуба и вонзают их в голову Гаджи. Будучи человеком в возрасте, Гаджи чуть было не испускает дух. А Джафар хан отправляется в ссылку с выдачей денег на одну грушу в день (76, с. 536).

Из вышеизложенного можно сделать такой вывод, что Сефевидские правители были свободны в обращении как с высокопоставленными чиновниками центрального бюрократического аппарата, так и с религиозными деятелями или с подданными. Шахство, вне зависимости от опыта управления государством и здоровья, было наследственным, при этом полномочия шаха не были ограничены никаким юридическим документом. Шах мог приговорить к тяжким пыткам любого, убить его разными способами самолично или приказать сделать это другим. Своими указами мог объявить войну или мир. Снижение или повышение налогов и повинностей, раздача земель тем или иным лицам, обращение общих земель в хассе, обращение в собственность хассе отдельных городов и сосредоточение их доходов непосредственно в шахской казне, издание указов, касающихся назначения на высокие гражданские, административные и военные должности, а также вынесение приговоров входили напрямую в полномочия шаха. Шах был хозяином даже жен своих подданных. Он был вправе поместить в свой гарем любую приглянувшуюся ему даже замужнюю женщину, выдать замуж своих жен, выколочь глаза своим женам и братьям, заключить их под стражу, убить. Словом, ему как абсолютному монарху, никто в стране не мог перечить – ни «Верхнее Собрание», ни доверенные. Шах обладал правом раздавать и отбирать союргалы и икта, передаривать их или обращать любые земли и любую собственность в хассе, принадлежащие дворцу и трону.

Сосредоточение в руках Сефевидских шахов столь широких полномочий позволяло им укрепить свою власть, предупреждать центробежные тенденции, взять в руки все ветви государственной власти и в конечном счете приводило к еще большему усилению империи.

Как было изложено нами выше, Сефевидские шахи как наследственные предводители Ардебильской секты представляли и верховную духовную власть. Они утверждали, что ведут

свой род от Пророка Мухаммеда и его зятя – Хазрати Али, тем самым представляя себя потомками имама. Абди бек Ширази пишет, что религия столицы мира дошла до Пророка Мухаммеда, а последнего до Хазрати Али, и сам Аллах, сам пророк стал имамом и начальником всему народу. После него эта религия стала принадлежать 12 имамам. Никто кроме них не мог вмешиваться в это дело. Из-за исчезновения Солтане Замана (Имама Мехти) один из слуг Аллаха, некто из династии Фатимийе, пусть выполняет его повеления, не позволяет народу дурных дел, предложит ему уверовать в 12 имамов, сделавшись исна ашари, а сам пусть сядет на престол и старается выполнять поручения наместника Пророка Мухаммеда. Этой чести удостоилась династия Бани Аббасидов. Однако Хулаку хан с помощью знати визиря халифа Мустасама Аббаси аль-мустасима-ибн аль-Альгами и поэта Аббаси повергли владения Бени Аббаса, государство Аббасидов. После этого власть никому кроме потомков Хазрати Али, не доставалась. Только Шах Исмаил, покорив мир, уверовал в истинность учения ишна ашарийя, уничтожил тех, кто не верит, став праведником» (47, с. 34–35). С тех пор, то есть после династии Бани Аббаси, не только светская, но и религиозная власть дошла до Шаха Исмаила.

В работе Искендер бея Мюнши «Тарих-и алям арай-и Аббаси» родословная Сефевидов восходит к Али ибн Абуталибу и заканчивается на Шахе Аббасе I. На самом деле секта суфиев начинается с Шейха Сафиаддина (1252–1334). До тех пор они не были ни шейхами, ни сеидами. Отец Шейха Сафиаддина Аминаддин Джабраил даже сказал сыну: «Где шейхство, а где мы. Мы земледельцы» (73, т. 1, с. 315).

Сам Шейх Сафиаддин не был даже шиитом, он был суннитом. Значит, Сефевиды, привязывая свою родословную к Хазрати Али ибн Абуталибу, хотели использовать шиитство для прихода к власти и борьбы с суннитскими Аггююну и Ширваншахами. Данный вопрос наиболее остро встал в периоды правления Султана Джунейда и Султана Гейдара. Октай Эфендиев справедливо пишет, что шиитские шейхи, принадлежавшие к династии Сефевидов, появились в XIII веке, в эпоху правления монголов. Однако «по официальной версии и информации предком Шейха Сафиаддина Сефевид был Муса аль-Казым» (38, с. 60).

Словом, основатель династии Сефевидов Шейх Сафиаддин был для своих суфиев одновременно шейхом и султаном, то есть светским владыкой, предводителем секты и в то же время правителем Ардебилля и близлежащих территорий. Дед Исмаила Джунейд принял титул «шейха», а отец Гейдар – титул «султана». Мюриды, то есть приверженцы суфизма, впоследствии создали военную организацию, состоящую из тюркских племен кызылбашей и превратились в главную военную опору в армии своего предводителя Исмаила.

Шах Исмаил, именовавшийся Мюршуди-Кямил, получил неограниченные полномочия по наследству от своего предка, принявшего шиизм.

Кызылбаши были связаны с шиитской сектой. Мюршиди-Кямил был полным религиозным и светским владыкой над мюридами, то есть кызылбашами. Кроме того, на территории ислама не существовало иного, помимо религии, понятия патриотизма, и принадлежность к шиизму воспринималась как понятие национальности. Главной идеологией, объединяющей кызылбашей и поднимающей авторитет глав Сефевидского государства как духовных руководителей, был шиизм (213, с. 59–61). Однако было бы неправильным связывать неограниченность религиозной и светской власти основателя Государства Сефевидов Шаха Исмаила, только с шиизмом. Важную роль играла здесь и передача Сефевидскими правителями земель икта высоким должностным лицам, назначаемым из кызылбашской знати. За эти земли икта амиры были обязаны во время войн вместе со своими родственниками и сторонниками помогать шаху. Владельцы икта обязаны были обеспечивать продовольствием корчу, численность которых в центре достигала 6 тысяч человек. Поэтому шах предоставил тюркам-кызылбашам высочайшие привилегии. Помимо этого добыча, завоеванная в периоды войн, тоже распределялась приказом шаха между кызылбашскими эмирами. Значит, для того, чтобы держать в подчинении знать и эмиров-кызылбашей шах не

только использовал нравственный фактор – шиизм, суфийские общества, но и в материальном отношении держал их в зависимом от себя положении.

В действительности Сефевиды, вознося свою родословную к зятю и двоюродному брату Пророка Мухаммеда Хазрати Али, выдали себя за потомков имама, а Шаха Исмаила считали потомком Пророка и воспринимали и как религиозного главу государства.

Сансон пишет, что персы придерживаются такого мнения, что шах не может быть подвергнут адским мукам. Если он ошибется в религиозных вопросах, то не сможет быть подвергнут допросу, даже нарушив пост или выпив вина в месяц рамазан, он не совершит греха, потому что является потомком имама» (182, с. 36).

С того дня, как Исмаил взошел на престол, исна ашари старались усилить шиизм. Именно поэтому со дня, когда он сел в Тебризе на трон, шах издал указ прочесть в мечетях хутбу на имя 12 имамов и отчеканить их имена на монетах.

Провозгласив шиизм официальной государственной религией, Шах Исмаил тем самым попытался укрепить свою власть. Кази Ахмед Гуми пишет, что еще после покорения Шамахи и победы над Ширваншахом Фаррухом Ясари Исмаил издал приказ о том, что поскольку ширванцы являются суннитами, их имущество нечистое и должно быть полностью выброшено в воду. Суфии выбросили в воду даже их лошадей и мулов (95, т. 1, с. 61–62).

Начиная со II половины XIV века и вплоть до создания Сефевидского государства руководитель Сефевидов, пропагандируя суфийскую секту, создавал о главе секты мнение не как об Имаме Мехти, который по мусульманам исчез, а как, самого Имама Мехти. Сефевидские руководители были представлены святыми и превозносились в такой степени, будто и Всевышний предстал в их лице. Английский ученый Роджер Сейвори пишет, что мюриды Джунейда (1447–1460) открыто упоминали его как Всевышнего, а его сыновей как сыновей Всевышнего. После того как отец Шаха Исмаила Султан Гейдар в 1460 году был назначен главой суфийской секты, суфийские халифы, съехавшись отовсюду, объявили о признании его божественности (175, с. 22).

Из стихов Шаха Исмаила становится ясно, что он и сам, также как его сторонники, был склонен признать себя воплощением Всевышнего. Это явно чувствуется из следующих строк Исмаила:

О свет очей моих, очей моих свет,

Взгляни теперь на правду, бодрый слепец,

Я тот абсолютный создатель, о котором говорят

(175, с. 22)

Хатаи, приравнивавший Вселенную к абсолютному божественному существу, отождествлявший творца с создателем, человека с богом и называвший эту тождественность цветущим единством, а себя поэтом, соловьем цветущего единства, восхваляя себя как «абсолютную истину»:

В душе моей сокрыта тайна – я правда,

Я абсолютная истина, высказываю истину.

Шах Исмаил гордится своими словами «Я правда», считает это для себя наивысшей ответственностью. Слова «Я Всевышний» или «Я правда» он расценивает как действие, равное героизму, о котором он не может сказать:

Мне, Хатаи, не пристало грустить —

Сказал я: «Я правда».

Как и Гейдар, отважно

вынес все на поле»

(192, с. 12)

Безымянный купец из Венеции, побывавший в 1507–1520 годах в Тебризе, пишет: «Этого суфия (Шаха Исмаила) любят и уважают как бога. В частности, в его армии большинство бойцов идет на войну безоружным, надеясь, что Исмаил сохранит их. Кроме того, имелись такие военные, которые шли на фронт, в бой без оружия, предпочитая стать шехидами на пути своего падишаха. И потому они шли вперед с открытой грудью и кричали: «Шейх, Шейх». Сегодня в Персии имя Аллаха забыто, произносится лишь имя Исмаила. Человек, упавший с лошади, никого, кроме Шейха не звал на помощь. Его имя звучало дважды. Сначала в значении Всевышнего, а затем – Пророка. Мусульмане говорили: «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед его пророк на земле», а персы говорили: «Нет бога кроме Аллаха, и Исмаил его представитель, покровитель. Но я слышал, что Исмаилу не нравится, что его называют Всевышним или Пророком» (183, с. 428–429; 175, с. 23).

Из перечисленных нами фактов можно прийти к выводу, что в отличие от предшествующих светских государств Гарагюяну и Аггюяну Сефевидский правитель Шах Исмаил I объявил шиизм официальной государственной религией, усилив тем самым роль религии в государственной политике.

Сефевидские шахи, соединившие в своих руках религиозную и светскую власть, обладали безграничными правами. Население воспринимало шаха как священную личность и беспрекословно подчинялось ему. По знаку шаха все были готовы пожертвовать всем своим имуществом и самой жизнью. Кемпфер пишет, что «в период правления Шаха Сафи (1629–1642) по приказу шаха отцы убивали своих сыновей, а сыновья своих отцов мечом, не испытывая страха» (40, с. 16).

Одним из признаков превознесения Сефевидских шахов были присвоенные им прозвища (титулы). Они демонстрировали величие и достоинство шаха. Кемпфер пишет о Сефевидском правителе Шахе Сулеймане: «Самым большим прозвищем было «Вели немот». Это означает полномочного представителя Всевышнего и Пророка, распределяющего мирское имущество среди населения, на церемонии коронации шаха садр обращался к шаху с этим словом. Шах и сам употреблял это прозвание в своих высказываниях и в документах (письменных указах и приговорах). В придворной речи шаха называли «алямпанах», «джаханпанах», «падишахи алям». Шах, ничуть не сомневаясь, считал себя достойным этих слов. Персы говорили, что такие прозвища достойны не индийского владыки, а Персидского (на самом деле – Азербайджанского – Д. Н.) шаха.

Потому что он из рода Хазрати Али. А Али был двоюродным братом и зятем Исламского Пророка, был назначен Пророком своим наместником и получил по наследству владычество над миром. Ученые дали шаху прозвание «Агдас». Некоторые называют его «Сахибилираном». («Наместник Персии»). При виде шаха следовало трижды поцеловать землю у его ног. Это поклонение, конечно же, не означало культа. Это восходит к древнейшим временам, когда Персидские шахи держали мир под своим господством. Однако, нынешний владетель трона (Шах Сулейман – Д. Н.) так свыкся с этим, что не думает отменять эти ставшие традиционными прозвания». (40, с. 17–18).

Из титулов и прозваний, присвоенных Сефевидским шахам, становится ясным, что религия и государство были друг от друга неотъемлемы. Шиизм, особенно после провозглашения его Шахом Исмаилом I официальной государственной религией, стал определять основное направление государства. То, что в первые годы существования Государства Сефевидов такие лица, как халифат аль-хулафа, садр, шейх уль-ислама, моджтахеды, стали играть в государстве ведущую роль после шаха главного визирия казиями в судах самоличная казнь не только религиозные, но даже светских вопросы с вынесением по ним приговоров, шахом осуществлялась людей и издавалось им смертные приговоры, Шахом Тахмасибом были изданы две указы, запрещающие употребление вина, азартные игры, шахматы, нарды и музыку, – все это говорит о том, сколь значительна была роль религии в государстве. Однако в периоды правления Шаха Исмаила II и особенно Шаха Аббаса I и после смерти последнего, несмотря на утрату суфиями прежнего влияния, религия продолжала играть решающую роль в государстве.

В целом Шах Тахмасиб был верховным главой всех гражданских, религиозных и военных дел в стране, словом, безусловным абсолютным правителем в религиозных и светских вопросах. Это означает, что все несли ответственность перед шахом – начиная с садра и кончая подчиненными ему религиозными служителями, даже моджтахеды. Потому что Сефевидские шахи считали себя представителями некогда исчезнувшего с земли сахиб-аз-замана Имама Мехти. В первоисточниках Шах Тахмасиб назван «зиллулахом» (тенью Всевышнего). Превознесение шахов до такой степени приводило к безоговорочному подчинению религиозных деятелей шаху и служило укреплению шахской власти. Потому что по сути представлять Имама Мехти должны были духовные лица. И хотя в период правления Шаха Тахмасиба авторитет шаха упал, несмотря на попытки в это период моджтахедов восстановить бывшие свои права и влияния, они не смогли добиться этого.

Шах Аббас I, придя к власти, стал еще больше притеснять религиозных деятелей. Потому что, желая обладать властью единолично, он не хотел иметь такого сильного конкурента, как духовенство. Он заставлял даже проверять отношения, существовавшие между влиятельными религиозными деятелями, и умело использовал их в своих интересах. Этой же цели служило и выяснение отношений между известным ученым Мир Мухаммедабагиром Дамадом и другим известным ученым эпохи Шейхом Бахааудином Амили. Таким образом, подобное отношение Шаха Аббаса I к высокопоставленным религиозным деятелям дворца служило его желанию держать в стране всех духовных лиц под своим контролем. Однако в период правления Шаха Аббаса II и последующих Сефевидских шахов духовные лица пытались восстановить свой правовой статус и ослабить власть шаха. В этот период они хоть и частично, но достигли своей цели.

Разделение Шахом Аббасом II в 1642 году должности садарата на две части – хасс и мамалик, как это было в прошлом, также говорило об ослаблении мощи шаха. Однако политическую функцию исполнял шейх уль-ислам. В период правления Шаха Солтана Гусейна политическая функция садра была возложена на моллабаши, новую религиозную должность. Значит, в новых условиях духовные лица стали восстанавливать свое бывшее влияние. Например, Мир Мамедбагир Меджлиси с 1684 года занимал должность шейх уль-ислама. После прихода к власти Шаха Султана Гусейна, то есть после 1694 года, он был назначен на новую должность – моллабаши и исполнял ее до конца своих дней. Таким

образом, было бы неправильным однозначно оценивать роль религии в государственном строе Сефевидов и в управлении их государством. Во времена существования сильной шахской власти права и полномочия суфийской секты были ограниченными, а сами суфии играли незначительную роль в управлении государством. А при ослаблении шахской власти суфии заполняли эту пустоту и играли значительную роль в управлении государством. Роджер Сейвори пишет: «Интересно, что шиизм дважды имел сильное влияние – в первый раз при власти Шаха Исмаила, а во второй – накануне падения государства Сефевидов. Перед тем, как государство пало, шиизм восстановил прежние позиции, стали собираться шиитские хадисы. Шиитская секта провела внутри себя чистку. Шииты казнили, убивали дуалистов, безбожников, новаторов. Больше других пострадали суфии, которые в свое время привели Сефевидов к власти. Эти суфии когда-то с готовностью подчинялись бывшим их руководителями кямили-муршудам и не жалея собственных жизней, защищали их» (175, с. 233–234).

Несмотря на это до власти Шаха Исмаила II суфии все же пользовались в определенной степени доверием и влиянием. Организация суфиев, приведшая к власти Сефевидского правителя Шаха Исмаила I, сумела сохраниться на протяжении долгих лет потому, что Сефевидские шахи формально пользовались ею как средством для усиления своей власти и утверждения собственной правоты. Начиная с периода правления Шейха Сафиаддина создание Сефевидской суфийской секты вытекало из задачи оказывать влияние на светское государство Сефевидов. Попадая в затруднения, встречаясь с опасностями для государства и шахства, Шейх Хаджа Али, Султан Джунейд, Шейх Гейдар, а также Шах Исмаил и Шах Тахмасиб использовали суфийскую организацию как покровительствующую. В самые тяжелые дни суфии охотно откликались на призыв шаха. Потому что в суфийской секте неповиновение кямилимуршуду, то есть шаху, неподчинение ему, непослушание расценивались как отступничество от суфийской секты и даже как измена родине. К тому же они считались верноподданными шаха, а по положениям суфийской организации предавший высшего повелителя осуждался к самому тяжкому наказанию. Таким образом, если в прошлом суфизм, суфийская секта были обязаны беспрекословно подчиняться своему духовному отцу-кямили-муршуду, то теперь они должны были быть верными находящемуся у власти Сефевидскому шаху, завоевать его доверие. Неверность шаху обходилась суфиям тяжелее, чем несуфиям. Это считалось в некотором роде тяжким обвинением. При появлении у шаха малейших сомнений относительно халифата уль-халифы, других членов суфийской организации, то есть и веры в него, он тотчас же принял бы действенные меры. Эта мысль подтверждается такими фактами, как ослепление Шахом Исмаилом II в 1577 году Халифата аль-хулафы, казнь им 1200 суфиев, случившееся с суфиями, стремившимися оставить на престоле отца Шаха Аббаса I Султана Мухаммеда Худабенди и не соглашавшимися на приход к власти Аббаса (175, с. 235–236), казнь через много лет, то есть в 1592 году, руководителя суфиев, правителя Гараджадага Шахверди хана за сотрудничество с османцами при оккупации Тебриза, казнь других суфиев, сотрудничавших с врагом. Шах Аббас I, с одной стороны, больше не доверял суфиям, а с другой, не испытывая нужды в их помощи и защите, как в свое время Шах Исмаил и Шах Тахмасиб, не разрешал им даже отправляться вместе с ним в поездки и не разрешал назначать их в свою личную охрану. Им предоставлялись во дворце такие должности, как подметальщик, привратник и тюремный надзиратель. После смерти Шаха Аббаса I влияние суфиев все больше падало. А спустя 200 лет после прихода Сефевидов к власти, то есть в конце XVII века, один из высших духовных деятелей той поры Мухаммедбагир Меджлиси назвал суфиев дьявольским отродьем и объявил их лицами, находящимися вне ислама. Он говорил: «Отшельничество и безнадежность запрещали и пророки». Меджлиси даже запретил им ношение шерстяной чуши и исполнение небесного танца (175, с. 235–236).

Меджлиси запретил даже держать пост во все дни, кроме месяца Рамазан. Он говорил, что пост ослабляет тело, мозг. Как это ни странно, но слова старца воспринимались как истина. По его убеждениям с точки зрения шиитской школы вся суфийская организация должна быть

ликвидирована (175, с. 238).

Таким образом, те, кто в свое время посчитал за честь надеть шапку суфия, то есть кызылбаша, и стать суфием, теперь в некотором роде считались вне исламства. Значит, тогда как суфийская секта считалась главной основной государства Сефевидов, после укрепления этого государства и отпадения нужды в помощи суфиев был поставлен вопрос о ликвидации этой организации. Однако как только Сефевидские шахи, в частности, Шах Сулейман и Солтан Гусейн, почувствовали ослабление центральной власти, духовные лица снова восстановили свою силу и влияние, которыми пользовались в конце XV – начале XVI веков. Как было отмечено выше, в 56-летний период правления Шаха Сулеймана и Солтана Гусейна религиозные служители, моджахеды вновь обрели независимость, и их зависимость от шаха была относительно уменьшена. В результате они стали обладать силой и полномочиями в стране, принявшей шиизм в качестве официальной религии. Дело дошло до того, что за спиной шаха они утвердили независимую религиозную власть. Кемпфер пишет об этом: «Религиозные ученые обладают в Персии самым высоким уважением и сидят во дворце в первом ряду. Садри-хассе считается в Персии наиболее высокой духовной личностью, садр аль-мамалик – второй, шейх уль-ислам – третьей, а казий – четвертой духовной личностями» (40, с. 38–42).

1.2. Меджлиси-ала (Собрание Высшего Совета, Государственный Совет)

Хотя Сефевидские шахи и обладали большими полномочиями, при решении судьбоносных вопросов страны они созывали на совет влиятельных эмиров. Шах Исмаил использовал совещательный опыт еще в период борьбы за создание государства Сефевидов. Впоследствии после утверждения Государства Сефевидов Совещательное собрание было усовершенствовано и сформировано как «Меджлиси-ала» (Высший Совет страны). Заслушав на Совещательном собрании мнения эмиров, Исмаил принимал окончательные решения. Например, находясь еще вблизи от Гейгадениза, он там же провел совещание с высокочинными эмирами о том, как прекратить происки внука Джаханшаха Гарагоюнлу – Солтана Гусейна Бараны (128, с. 86–88). По совету эмиров Исмаил отправился из Гейгадениза в сторону Чухурсаада. Собрав в 906 году Хиджры (1500) в Арзинджане почти семитысячную армию, Исмаил снова собрал высокочинных эмиров на Совещательное собрание для определения направления атаки и издал указ о принятии совместного решения. На Совещательном собрании некоторые из эмиров предлагали перезимовать в Чухурсааде, а другие – организовать поход в направлении Грузии. Однако Исмаил не соглашается ни с каким из предложений, выдвинутых на Совещательном собрании, и говорит, что данный вопрос следует предоставить воле Пророка Мухаммеда. Наутро Исмаил снова приглашает эмиров на Собрание и говорит, что «ночью во сне святые духи Пророка Мухаммеда, Хазрати Фатимы и 12 имамов посоветовали завоевать провинцию Ширван» (128, с. 95–96). После этого армия начала поход в сторону провинции Ширван. Значит, в Совещательном совете основным было признано мнение муршиди-кямиля. Такой же случай произошел и в Ширване, во время блокады крепости Гюлюстан. Исмаил, осознававший трудность покорения этой крепости, вызвал к себе их эмиров Гусейн бея Лелу, Мухаммед бея Устаджлы, Абди бея Шамлы, Хадим бея Хулафу и Гарапири бея Каджара и спросил: «Вам нужны азербайджанский трон или крепость Гюлюстан?» Они ответили: «Азербайджан». Основной целью Исмаила было при этом утверждение в Азербайджане своей власти. Указанное выше предложение было сделано эмирам формально, чтобы выяснить их мнение (39, с. 52; 128, с. 113–114). На самом же деле до того, как Исмаил провел совещание и консультации со своими эмирами, один из пророков рекомендовал ему подняться вверх от крепости Гюлюстан и двинуться в направлении Азербайджана. Вызвав наутро вышеперечисленных эмиров и получив от них ответ на вопрос, чего они желают – крепости Гюлюстан или азербайджанского

трона, он передал им услышанное во сне и сказал, что прошлой ночью один из имамов донес весть о необходимости оставить крепость Гюлюстан ради азербайджанского престола. Выслушав рассказ, «высокочинные эмиры по воскликнув радост стали бросать в небо шапки, поздравлять шаха с завоеванием Азербайджана» (128, с. 112–114). Исмаил и здесь, воспользовался именами имамов для того, чтобы осуществлять свою цель. На самом же деле Сефевидские правители, как и другие восточные диктаторы, единолично решали государственные вопросы. Однако в очень редких случаях они считались и с советами высокочинных эмиров. Например, во время битвы при Чалдыране, происшедшей в августе 1514 года, Шах Исмаил I предложил напасть на османскую армию до того, как они укрепят свои позиции. На что Дурмуш хан, не согласившись, сказал, что мы не должны начинать атаку до принятия ими мер для своей обороны. Шах Исмаил принял предложение Дурмуш хана. Армия кызылбашей прождала столько, что османцы соорудили бастионы и укрепили свои окрестности. Атака началась после этого, и предложение Дурмуш хана привело к поражению армии кызылбашей (55, с. 161–162). Государство Сефевидов, конечно, было типичной феодальной монархией. Возглавлявшие государство Сефевидские правители, несмотря на свои неограниченные полномочия религиозных и светских глав, обсуждали вопросы внутренней и внешней политики, военные вопросы с «Собранием Высшего Совета», обладавшим совещательным правом, или, как писал Алессандрини, в «Совете страны», после чего принимали решения (39, с. 224). Вальтер Хинц, называя это «Высшим советом дивана», пишет, что в то время, как шах (Шах Тахмасиб) излечивался в гареме, страной управлял «Верховный диван». Эмиры участвовали в заседаниях «Высшего совета дивана» (213, с. 52, 61).

Алессандри, побывавший в Тебризе в 1571 году, также приводит подробные сведения о «Совете страны», существовавшем в период правления Шаха Тахмасиба I. Он пишет, что шах созывал заседание «Совета страны» и принимал во внимание предложения, выдвинутые высокочинными государственными деятелями. Алессандри написал о «Совете страны», существовавшем в период правления Шаха Тахмасиба I, следующее: «Совет страны», на самом деле, состоит из одной команды, начальником которой является шах. В этом совете участвует 12 эмиров, все из которых имеют немалый опыт в управлении страной, время от времени в этом совете участвуют все находящиеся во дворце эмиры. Заседания совета, можно сказать, проводятся ежедневно. Заседание совета откладывается лишь во время купания шаха и стрижки им ногтей. В летнее и зимнее время заседание совета начинается в 22 часа. В зависимости от того, как проходит обсуждение вопросов, заседание продолжается до 3, 4 и даже 6 часов утра. Шах восседает на невысоком троне.

По разрешению шаха в заседаниях «Совета страны» участвовали и его сыновья, которые не были членами Совета. На заседании Совета сыновья усаживались позади шаха. Особенно Гейдар Мирза как наиб своего отца не отходил от шаха. Советники, состоящие из эмиров, назывались «наиб ас-салтанат». Их было четверо и сидели они в переднем ряду. Шах обсуждал вопросы, касающиеся их полномочий, и спрашивал мнения эмиров о данном вопросе, если кто-то из них хотел высказаться, он вставал с места, приближался к шаху и громким голосом сообщал свое мнение так, чтобы оно было слышно всем. Если при обсуждении высказывались интересные слова или предложения, шах приказывал главным советникам записать их. Иногда шах записывал их собственноручно. Таким образом, каждый по очереди сообщал свое мнение и, если по обсуждаемому вопросу не оставалось больше никакого сомнения, тут же принималось решение, если же шах сомневался, он, заслушав мнение и доводы всех членов Совета, решал вопрос лично. Часть членов Совета назначалась из советников шаха. Советники делились на старших и младших. Даже будучи представителями знати, советники без разрешения шаха не имели права не только делать выводы, но и вообще вымолвить слово. Право делать выводы принадлежало эмирам. Эмирство присуждалось не по происхождению, а по заслугам. В те ночи, на которые назначалось заседание Совета, дежурили 300 корчу (стражников). До завершения заседания Совета они не отходили от шаха, охраняя его» (183, с. 442–443; 39, с. 224).

Если шахами в период их правления престола наследник не назначался, то созывался «Меджлис Совета» для назначения нового шаха. Когда умер Шах Исмаил II, было созвано заседание «Али Меджлис» и на нем было принято решение об объявлении шахом Мухаммеда Худабенди, зачитанное вслух. Последнее было признаком того, что это мнение всех кызылбашей. Но, несмотря на решение «Али Меджлиса», дочь Шаха Тахмасиба Перихан ханум отказывается подчиниться ему и заявляет о том, что желает сама стать шахом и управлять Сефевидским государством. А несколько позднее (25 ноября 1577 года) она требует провозгласить шахом своего брата Солтана Мухаммеда Мирзу. Перихан ханум распорядилась освободить всех эмиров и других знатных людей, которые в силу тех или иных причин были брошены под стражу при Шахе Исмаиле II. Из-под стражи освобождаются Садраддин хан Сефевид, Сейд бек Кемуне, представители различных племен и родов (73, т. 1, с. 148).

Решение, принятое «Али Меджлисом», нарушило планы Перихан ханум, члены Совета из эмиров написали обращение к будущему шаху страны, сообщив, что безоговорочно воспринимают Мухаммеда Худабенди как наследника шаха. Алихан Мосуллу из туркменского племени отвез решение Совета вместе с письмом в Шираз и вручил их наследнику. Спустя два месяца после принятия Советом своего решения, 11 февраля 1578 года, новый шах, то есть Мухаммед Худабенде прибыл в Казвин и сел на престол (207, т. 2, с. 225; 213, с. 147).

Из вышеизложенного факта видно, что при жизни шаха решение «Али Меджлиса» не могло быть выполнено немедленно без его мнения и согласия. А в межцарственные периоды решение меджлиса считалось основным и исполнялось безоговорочно.

Следует отметить, что «Али Меджлис» созывался для обсуждения не только важных для страны вопросов, но и текущих дел. Он созывался, например, при присуждении высоких должностей во время приема иностранных послов. Немецкий ученый Энгельберт Кемпфер, побывавший в Исфахане в 1684–1686 годах, говоря о ходе обсуждений в «Али Меджлисе», отмечал, что «при рассмотрении дел главный визирь, бросаясь к ногам шаха, доводил до него те заявления, которые сам выбирал. После завершения рассмотрения заявлений главный визирь поочередно представлял шаху государственные вопросы, проблемы, касающиеся общего благосостояния населения. Шах высказывал свое отношение ко всем обсуждаемым вопросам. Он сообщал свое мнение в связи с требованиями о специальной должности, надбавке к жалованью или поощрении. Обсуждались важные для страны вопросы, решение которых занимает много времени, в том числе политические, иногда от мелких вопросов разговор переходил на крупные и серьезные. Во время обсуждения мысли и речи присутствующих отвлекались от вопросов, которые были вынесены на меджлис, и направлялись на решение других дел. Во время обсуждений в «Али Меджлисе» приносились изысканные блюда, играли музыканты, пели певцы, выступали танцоры, стремясь привлечь внимание шаха. Такие заседания длились по 6–7 часов. После этого шах удалялся в гарем» (40, с. 34–35).

Из вышеизложенных фактов видно, часть времени, отведенного обсуждению важных для страны дел, тратилась на прием напитков, игры и зрелища. А это снижало эффективность затраченного времени. Бывало, что шах, будучи плохо воспитанным или несовершеннолетним, был не способен решать вопросы, представлявшие серьезные с точки зрения интересов страны значение, по молодости большую часть дня проводил в гареме и не проявлял интереса к решению судьбоносных для страны вопросов. Именно поэтому до достижения шахом совершеннолетия важную роль в управлении страной играли его воспитатели. Однако сколь юным и неопытным ни был бы шах, важные вопросы, выносимые на обсуждение меджлиса, следовало согласовывать с ним, при этом не просто было докладывать шаху о спорных вопросах, это было опасно, и никто по собственному согласию и желанию не хотел брать на себя такой тяжелой ответственности.

Спектр вопросов, обсуждавшихся в «Али Меджлисе» был широк. В отношении значения и

важности для страны выносились на рассмотрение разнохарактерные вопросы.

«Али Меджлис» обладало, в том числе, полномочиями вмешиваться в суть споров, возникавших в случае смерти шаха, не назначившего на престол наследника, между его детьми.

После смерти Шаха Аббаса II «Али Меджлис» стало обсуждать кандидатуру на престол его 7-летнего сына Гамзы Мирзы. Однако в ходе заседания Совета некто из высоких чиновников заявил, что слухи об ослеплении или убийстве Сафи сына Шаха Аббаса от черкески, являются ложными. На том же самом заседании Совет рассмотрел кандидатуру Сафи и принял решение в его пользу. Это свидетельствует о том, что в периоды междуцарствий все полномочия шаха, хотя и временно, но переходили к «Али Меджлис», в правовом отношении в такие периоды меджлис был полностью правомочным и самостоятельно выносил решения. Совет обычно не ограничивался принятием решений и осуществлял также обязанности по контролю над их выполнением. Например, решением Совета была созвана специальная группа для поиска, доставки и подготовки к коронации Сафи. Эта группа передала Сафи письмо, написанное «Али Меджлис». В письме говорилось, что единодушным мнением членов Совета Сафи объявляется шахом вместо своего отца. Провести церемонию коронации было поручено Шейх уль-Исламу (40, с. 48–49).

Из вышеизложенного можно сделать такой вывод, что в случаях, когда шах не оставлял письменного завещания о назначении престолонаследника, решающими полномочиями при назначении нового шаха в Сефевидском государстве обладало «Али Меджлис». То есть его письменное решение было основаным юридическим документом для назначения нового шаха. Именно поэтому на церемонии коронации этот документ должен был быть зачитан вслух.

Следует отметить, что в период правления Шаха Сулеймана действовал и другой, помимо «Али Меджлис», государственный орган «Государственный Совет» (Высший Диван). На Государственном Совете рассматривались различного значения вопросы по управлению страной, ее экономическому развитию, финансам и торговле, военным делам, и по результатам принимались решения. В этом Совете участвовало по равному числу религиозных служителей, военных и судебных казиев. Члены группы (советники) выбирались из опытных и умных людей. Это отмечает и Сансон. Он пишет: «Все они, действительно, храбрые, находчивые, влиятельные, энергичные и умные. Государственный Совет и визири правильно сознают проблемы страны и быстро все понимают. Они внимательно изучают дела и не принимают никаких не обдуманых и не проверенных решений. При обсуждении всех вопросов они проводят совещания и консультации и не спешат с принятием решений. Сами они говорят: «Человек, который не откладывает свою работу на завтра, знает, как одержать победу, не ставя ничего под опасность» (182, с. 170).

Значит, действовали одновременно и «Али Меджлис», и Государственный Совет во главе с этимад ад-довле.

Однако решения, принимаемые как «Собранием Высшего Совета», так и «Государственным Советом», находились под строгим контролем шаха. Шах не был склонен делить принадлежавшую ему абсолютную власть ни с каким должностным лицом или советником, и не доверял в этом деле никому. Это подтверждают и слова Шаха Аббаса I об управлении страной: «По сути ни один падишах не должен полностью полагаться и полностью опираться на своих визирей, военачальников и амиров. Шах, поручивший управление престолом и страной визирям, военачальникам и амирам, должен стать несчастным. Потому что эти люди больше думают о личных интересах, богатстве и силе. Стремясь к собственному благополучию, они проявляют пассивность, не пытаются завоевать новые страны. И поэтому я выполняю все дела страны, сообразуясь с моей собственной волей и личной ответственностью» (160, с. 248).

Название этих двух государственных органов (Собрание Высшего Совета, Государственный Совет) по-разному проводится в разных источниках. Например, Искендер Мунши называет их «Диван-и чафи-уль макан» («Высококолонный Диван»), а Кази Ахмед Гуми – «Меджлиси умарайи эзам» («Меджлис высокочинных эмиров») (73, т. 2, с. 657). Несмотря на то, что названия этих органов употребляются в разном виде, знакомство с их сутью показывает, что при разности употребления названий речь идет о «Али Меджлиса» и Государственном Совете.

1.3. Высший Совет Визирей Этимад ад-довле Права и полномочия главного визиря и его помощников

Обладая неограниченной властью, Сефевидские шахи постепенно совершенствовали государственный аппарат, органы государственного управления, которые были заложены в период борьбы за власть, и превратили их в постоянно действующий бюрократический государственный аппарат, обладающий многочисленным штатом чиновников, способный регулировать политическую и экономическую жизнь огромной империи и управлять этой жизнью. При своем формировании и определении светских и религиозных должностей центральный бюрократический аппарат создавался по двум параллельным линиям. С учетом значения каждой входящей в государственный аппарат должности в управлении государством права, обязанности и круг полномочий назначенных на них лиц были точно определены существовавшими в то время законами, указами и распоряжениями шаха. Шах в рамках своих полномочий осуществлял назначение на должность, освобождение от нее, определение сферы полномочий, контролирование деятельности, наказание, поощрение и прочее в отношении каждой должностной единицы в центральном бюрократическом аппарате, что обеспечивало безоговорочное подчинение ему всех высокопоставленных чиновников центрального бюрократического аппарата и приводило к усилению шахской власти.

Важную роль в управлении государством играли Высший Совет Визирей, созданный в начальный период правления Сефевидов и включенный в структуру центрального государственного аппарата, и возглавляющий его везири-азам (главный визирь).

Везири-азам считался в государстве вторым после шаха высочайшим лицом и в то же время наибом и заместителем шаха, «этимад ад-довле», то есть опорой государства, доверенным лицом, по занимаемой должности. Звание «этимад ад-довле» присваивалось непосредственно самим шахом. Оно звучало и как «асаф ад-довле». В документах же писалось «везир-и азам». Везир-и азам, на самом деле, считался главным лицом при решении вопросов государственного значения, так как все важные дела, общая жизнь государства были сосредоточены в его руках. Только с помощью визиря можно было занять высокую должность и обрести богатство. Шах мог узнать о том или ином заявлении только по его желанию. Без него шах не был бы осведомлен ни об одном проступке должностных лиц. Значит, если главный визирь поддерживал просьбу обратившегося, она могла быть принята шахом. Главный визирь с помощью правителей провинций выслушивал векилов и представителей, обсуждал и решал возникающие вопросы, подписывал или отклонял по предложению шаха союзнические и мирные соглашения. В его власти находились чеканка монет и некоторые из важных правовых вопросов, принадлежавших шаху. Не выяснив мнения главного визиря, нельзя было принимать никаких нововведений или решений в сфере государственной власти. Словом, в первоисточниках эпохи и мемуарах европейских путешественников можно встретить достаточно материалов, свидетельствующих о высоких правах, полномочиях и силе главного визиря в мамалики-махрусе (защищаемой стране) и в государстве. Наместники, судьи, даруге не были правомочны решать лично, без главного

визиря, внезапно возникающие трудности и проблемы. Они нуждались в согласии главного визиря при решении всех возникших проблем (76, с. 76).

Дом главного визиря располагался недалеко от шахского дворца. Решение вопросов, подлежащих немедленному обсуждению по личному указанию шаха, нельзя было откладывать. И поэтому главный визирь весь день ожидал во дворце приказов шаха. Он постоянно находился в окружении шаха, а когда не встречался с шахом, не проводил время попусту: выслушивал сообщения векилов, рассматривал их заявления и прошения, читал письма от судей и зачастую лично давал указания по ним. Он также анализировал основные проблемы в стране. Главный визирь всегда был занят напряженным делом. На общих и официальных приемах как начальник верховного дивана сидел около шаха, слева. Он докладывал шаху о положении дел в стране и принимал окончательное решение по вопросам, имеющим государственное значение. Для всего этого главный визирь выбирал также подходящее время. Когда шах вечерами выходил из дворца на конную прогулку, докладывал ему некоторые вопросы. Это способствовало скорейшему решению дела. В такие минуты главный визирь имел возможность говорить с шахом более свободно. Шах, не дававший до того согласия на решение этих вопросов, во время верховой прогулки давал свое согласие. Если главный визирь мог влиять таким образом на шаха, он считался среди населения очень умным и самым почитаемым.

После своего назначения на должность главный визирь с разрешения шаха назначал всех своих родственников на самые доходные должности, укрепляя тем самым собственное положение и возвышая своих родичей. При случайном проступке начальника какого-то учреждения или получении им взятки пользовался ситуацией, прогонял этого человека с должности и назначал на нее своих друзей и родственников и тем самым одаривал их и даже ежегодно получал для них подарок от шаха. Кемпфер пишет, что одаривание шахом кого-то подарками считалось важным событием. Подарок делался тому человеку, чьей работой шах был доволен. Чтобы получить шахский подарок, наместники, действовавшие на местах, визири и другие государственные чиновники сначала обращались по этому поводу к главному визирю, щедро осыпая его золотом. Потому что лица, удостоившиеся чести получить от шаха подарок, в сравнении с другими обладали привилегиями. Те, кто работал под подчинением благодетельствованного, начинали больше бояться его. Потому что «милость Сефевидского шаха, который не был осведомлен о многом, считалась для государственных чиновников в некотором роде «санкцией» на произвол и бесчинства (40, с. 32). Если шах хотел одарить человека, неугодного главному визирю, главный визирь получал небольшое жалование (40, с. 32). Наместники ежегодно выплачивали ему определенную сумму с доходов своих регионов и денег, выделенных на благоустройство. Кроме того, судьи, также обладатели государственных постов обязаны были ежегодно выплачивать главному визирю определенную сумму от личных доходов (135, с. 84). Такими преподношениями они старались завоевать расположение главного визиря. Потому что он одним словом, произнесенным перед шахом, мог осчастливить кого-то или сделать несчастным. Под его контролем находились и внешнеторговые дела страны, все жалованья, поощрения, подарки выдавались по его указанию. Словом, начальник визирей реально являлся в Персидском шахинханстве наибом, то есть наместником трона (наиб-ас-салтане) этимад ад-довле. Этимад ад-довле переписывал указы и приговоры шаха, скреплял их печатью, писал на их обороте «Бендейи даргяхи алиййат-али алиййя этимад ад-довле», то есть «Я слуга создателя государства и высочайшего из дворцов», и отправлял их для исполнения. По словам Сансона, этимад ад-довле брал на свои расходы из государственной казны тысячу туменов в месяц (182, с. 44). По расчетам Сансона этимад ад-довле получал жалованье в 12 тысяч туменов в год, а по словам Тавернье его годовой доход составлял 20–30 тысяч туменов. Сансон, отмечая, как и Тавернье, что эта сумма представляла собой минимальную часть дохода главного визиря, пишет, что правители всех областей и провинций, высокопоставленные военные также назначались шахом на должность после выяснения мнения главного визиря. Кроме того, по совету этимада ад-довле назначались и высшие

военные командиры, отправляющиеся на фронт, а также чиновники, отправляющиеся в различные области страны за сбором податей. То есть этимад ад-довле мог в любое время передать эти должности другим людям. Именно поэтому он получал от лиц, стремящихся занять эти должности и соперничающие в этом друг с другом, большие деньги. Делая шаху дары и подношения в праздник Новруза, правители провинций и придворные также не осмеливались забыть о главном визире. Потому что те, кто в день праздника не одаривал главного визиря, не могли заработать и на подношении шаху. С другой стороны, этимад ад-довле получал предварительную плату с назначаемых на государственные должности (182, с. 44–45). В подчинении этимада ад-довле действовали 6 визирей или заместителей. Они играли важную роль в управлении страной. Часто создавалась группа, включающая визирей и заместителей шаха. Создаваемая по указанию шаха, такая группа участвовала в заседаниях, званых обедах при шахе. I визирь, – мустофи аль-мамалик считался начальником всех финансовых учреждений. II визирь хасса-мустофи, считался специальным придворным инспектором и главой инспекции столичного Исфахана. III визирь, даруге канцелярии, наблюдал за главной канцелярией финансового ведомства. IV визирь, везири аль-мулюк, был обязан держать в целостности и сохранности канцелярию шаха. V везирь, именовавшийся также специальным визирем, ведал вопросами торговли и торговцев. Сансон, сравнивая шесть визирей с начальниками главных финансовых учреждений Франции, пишет, что каждый из них, помимо своих должностных обязанностей, контролировал и дела нескольких провинций, подчиненных их ведомству (182, с. 45–46). Эти шесть визирей или шесть заместителей главного визиря, как и другие визири и диванбеи, проводили свои заседания во дворце (182, с. 5–46).

Кроме шести визирей, этимад ад-довле имел двух секретарей, которые именовались «сахиби гелем». В их полномочия входило составление и рассылка приговоров и указов дворца. Главный визирь, который руководил и верховным диваном, назывался иногда «сахиб и диван» (59, с. 53). Поскольку главный визирь руководил шахским диваном, слова «главный визирь» и «сахиби диван» звучали как синонимы. Например, Мухаммед Юсиф Казвини об эпохе правления Шаха Исмаила I пишет: «Везарет и должность сахиб и дивана были отданы Закарийе-йи Кечачи» (128, с. 123). А Абди бек Ширази пишет, что Закарийе-йи Тебризи, бывший визирем туркманов (аггююнлу – Д. Н.) еще в годы пребывания Исмаила в Махмудабаде, прибыл к Исмаилу и получил от него звание визиря. Исмаил назвал его «келиде Азербайджан» («ключ от Азербайджана») (47, с. 39). А Гасан бек Румлу пишет, что в 906 году Хиджры (1500 г.), во время зимнего пребывания Исмаила в Махмудабаде, Закарийя Кечачи, прибыв к нему в Тебриз, был назначен на должность везарети-ала (64, с. 54).

Главный визирь также контролировал две бухгалтерские организации, то есть диван-и мамалик и диван-и хассе. С другой стороны, назначение как на высокие, таки и низшие должности, осуществлялось за подписью и утверждением главного визиря. В его полномочия входили все финансовые дела страны, контроль за всей торговлей, определение внешней политики, заключение договоров, прием послов и прочее. Однако сама деятельность главного визиря подчинялась законам, установленным шахом. Так, два секретаря главного визиря назначались шахом и носили звание министров. По сути «министр» означал «инспектор», и операции, выполнявшиеся визирем, должны были пройти утверждение главного секретаря. Значит, и деятельность самого главного визиря была поставлена шахом под контроль с помощью назначенного им инспектора (135, с. 82–83).

Во время войны главный визирь возглавлял на боевом фронте часть армии. Например, в 972 году Хиджры (1564–1565 гг.) Масум бек Сефевии вместе с сыном Садрадин ханом и другими эмирами участвовали в боях за завоевание Хорезма, которым правил Али Султан Узбек, а после поражения Султана Масум бек Сефевии с сыном Садрадином отправились в Герат, где приняли участие в бою против тирании Газаг хана.

В распоряжении Главного визиря находилась и армия. Эта мысль подтверждается и словами Кази Ахмеда Гуми, повествующего о событиях в Гилане, – «Ордуйе Масум бек» («Армия

Масум бея») (95, т. 1, с. 471–472). При Гилянских событиях даже сын Масум бея Садррадин ан возглавлял часть армии (95, т. 1, с. 474).

Хотя главный визирь не располагал полномочиями вмешиваться в работу судов и вести дознания, он в порядке исключения по указанию шаха вникал в их дела, возглавлял расследование государственных преступлений и играл важную роль в их раскрытии. Например, в 967 году Хиджры (1559–1560 гг.) Шах Тахмасиб заболевает в Казвине. До шаха доходит весть, будто его племянник Сам Мирза отбыл из Ардебилья в Казвин, чтобы в случае смерти дяди сесть на престол. Будто, добравшись до города Султанийе, Сам Мирза узнал о выздоровлении дяди и возвратился в Ардебиль. Шах Тахмасиб поручил «векилу Масум бею» проверить данное дело (95, т. 1, с. 553; 47, с. 117).

На начальном этапе правления Сефевидов главный визирь и его заместители, осуществляя свою деятельность в составе центрального государственного аппарата, контролировали также провинции и города. Однако с начала XVII века наряду с визирями, действовавшими в центральном государственном аппарате, шах назначал и визирей в провинции, особенно в те, которые входили в имущество хассе. Назначение со стороны шаха получили визири Мазандарана, Хорасана, Исфагана, Казвина, Лахиджана, Решта. Все визири, действующие на местах, приказом шаха были подчинены главному визирю. Какими правами и полномочиями обладали визири, входящие в центральный государственный аппарат, теми же правами и полномочиями обладали в масштабах провинций и городов и визири на местах.

Визири в провинциях контролировали финансовые дела провинции, организовывали своевременную собираемость налогов, следили за правильным исполнением законов, регулировали деятельность даруге.

Из анализа института Высшего Совета Визирей видно, что он играл в государственном аппарате Сефевиде большую роль и функционировал с широкими правами и полномочиями.

При ослаблении шахской власти столь широкие права и полномочия приводили к решающей роли визирей в управлении государством. При ослаблении центральной власти, в частности, при проявлении шагами слабости в управлении страной, главные визири работали, можно сказать, самостоятельно. Эту мысль подтверждает деятельность как Мирзы Салмана, работавшего главным визирем в период правления Султана Мухаммеда Худабенди (1577–1587), так и Шейха Алихана, возглавлявшего Высший Совет Визирей при Шахе Сулеймане (1697–1694). Французский путешественник Шарден пишет: «Персидские шахи властвуют лишь формально, действительным правителем является главный визирь» (135, с. 82).

Шарден находился в Персии во времена Шаха Сулеймана, то есть в период начавшегося ослабления Сефевидского государства. Его высказывание, хотя и преувеличенно, но свидетельствует об усилении полномочий главного визиря в период ослабления шахской власти. Говоря об органах центрального управления Сефевидов и существовавших в них значительных должностях, нельзя обойти молчанием деятельность векилов ус-салтане. Особенно, для того, чтобы создать полное представление об их деятельности при анализе полномочий главных визирей, необходимо проанализировать роль векилов ус-салтане в государственном управлении во взаимной связи с институтом везирата. Прежде всего потому, что эти два органа порой функционировали параллельно, один из них обладал при этом большими полномочиями, чем другой, а бывало, что обе должности выполнялись одним и тем же человеком.

Из первоисточников и результатов современных исследований ясно видно, что должность векила ус-салтане в центральных управленческих органах Сефевидов действовала непостоянно, она ликвидировалась при отдельных шахах и после длительного перерыва восстанавливалась. Не имела она продолжительного, стабильного характера и в отношении

важности для управления государством (135, с. 82; 49, с. 225–226).

Что же касается самого появления должности векил ус-салтане, известно, что в органах управления государствами Гарагоюнлу и Аггоюнлу такой должности не было. Она была создана, в основном, в период борьбы Исмаила за власть, включена впоследствии в государственную структуру и поначалу играла важную роль в управлении государством.

Векил ус-салтане обладал правомочием первого наиба шаха и считался вторым после шаха лицом. По сути он являлся полноправным заместителем шаха как в светских, так и в религиозных делах. Он только перед шахом отвечал за создание порядка в провинции политических и религиозных мероприятий. С учетом значения этой должности лицом, назначенным на нее, был именно воспитатель (леле) Исмаила-Гусейн бек Шамлы. В течение 4–5 лет пребывания Исмаила в Гилане он управлял всеми делами секты «Сефевийе» и был одним из его приближенных («эхли ихтисас») (49, с. 225). Именно поэтому Исмаил вместе с должностью векалета присвоил ему военное звание эмир аль-умара и назначил главой всех амиров в армии. После восшествия Исмаила в Тебризе на престол в 1501 году Гусейн бек Леле был назначен на должность «Векалети нафис-и хумайюн», то есть личный заместитель его величества. Значит, векалет, обладал как личный заместитель его величества самыми высокими полномочиями, имел право ставить на письменных приказах свою печать выше печатей амиров и рассылать их на места для исполнения. И потому сразу после провозглашения Государства Сефевидов должность амира аль-умары была поручена в 907 году Хиджры (1501 г.) Гусейн бею Леле Шамлы (47, с. 39). Значит, он наряду с должностью векалета исполнял и должность эмира аль-умары. В 1508 году после освобождения Гусейн бея Леле от должности на должность векалета был назначен Амир Наджм Месуд, который работал ювелиром в Реште, проявил себя сторонником Исмаила во время его пребывания в Гилане и надел на его палец собственноручно изготовленный перстень. Абди бек Ширази пишет, что Мир Наджм Зергер Гилани ставил в приказах свою печать выше остальных печатей. Он не позволил тюркским амирам вмешиваться в его финансовые дела и добился полных полномочий в гражданских делах (47, с. 39).

Векилы назначались на должность указом шаха. Должность векила выше должности амира аль-умары. Амир Ярахмед сначала был назначен векилом и исполнял также полномочия «сахиби дивана». Очень быстро он завоевал доверие шаха и благодаря его покровительству обрел большое влияние в государственных делах.

В 1512 году, – во время похода войск кызылбашей против узбеков, он был назначен на должность военного предводителя (49, с. 226).

Как видно из вышеизложенного, лица, занимавшие должность векила, исполняли иногда и полномочия главы высокого дивана и амира аль-умары. Занятие в государственном аппарате сразу нескольких высоких должностей очень скоро не только подняло влияние векилов, но и расширило их материальные возможности, сделав их весьма состоятельными людьми.

Амир Ярахмед, именуемый Амиром Наджмом II, за короткий срок скопил внушительное состояние. Количество одних только его вооруженных конников составляло 4000 человек. Несметными были запасы его богатств (180, с. 44).

На высокие светские должности назначались и люди, ранее занимавшие религиозные должности. Например, Низамеддин Абдулбаги Езди, был назначен на должности эмира аль-умары и векалета. О назначении Мир Абдулбаги Езди на должность амира аль-умары, а Абди бея Ширази на должности «мансаби векалет и амир аль-умара» сообщает Кази Ахмед Гуми (95, с. 125; 47, с. 53).

Должность векалета была такой важной, что порой из-за нее случались стычки между предводителями племен. Огтай Эфендиев, затрагивая этот вопрос, пишет, что впервые

двадцать лет после смерти Шаха Исмаила I, во время правления Амиров племен кызылбашев, должность векила восстановила свои первоначальные значения и силу. Предводители племени, пользуясь неопытностью шаха, продолжали кровавую борьбу за высокие и доходные должности. На должности векила сменили друг друга Султан Румлу, Чуха Султан Текели и Гусейн хан Шамлы. Они были полновластными и всесильными наибами трона, занявшими в период правления малолетнего Шаха Тахмасиба I должность векила, убив своих предшественников (49, с. 226–227).

Лица, назначенные на должность векалета, в издаваемых шахом указах ставили свои печати после шаха и тем самым зарабатывали много дохода. Именно поэтому жесткая конкуренция, существовавшая среди высокочинной феодальной знати из-за должности векалета, имела целью достижение не только поста, но и богатства.

Эмир Махмуд ибн Хондамир пишет, что при власти покойного шаха (Шаха Исмаила I) многим из тех, кто притеснял население и вмешивался в дела дивана и шаха, отрубили руки (47, с. 62; 55, с. 226). Но Мустафа Султан высылается в Грузию, а вместо него на должность векалета назначается Чуха Султан (180, с. 57). Огтай Эфендиев пишет, что первоисточники не сообщают о должности векила после «Дива Султана Румлу, Чухи Султана Текели и Гусейн хана Шамлы» (49, с. 227). На деле же Шах Гусейн был векилом везаретского дивана (Высшего Совета Визирей). В эпоху правления Шаха Исмаила Масум бек Сефевидов был назначен на должность «векила ус-салтане» (64, с. 443). Впоследствии эпитет «этимад ас-салтане» стал присваиваться главному визирю.

В 1578 году Султан Мухаммед Худабенде, находившийся в то время на шахском троне, поручил должность «челилюльгадри векалета» своему сыну Гамзе Мирзе. На письменных указах и приговорах шаха он ставил свою печать после печати Диван-и Ала, то есть визиря высочайшего дивана (47, с. 111).

Согласно В. Ф. Минорскому до власти Шаха Аббаса I должность векила была выше должности визиря. Но в период правления Шаха Аббаса I должность векила отменяется, и вместо «векили дивани ала» высочайшими полномочиями по управлению государством наделяется «этимад ад-довле». То есть шах, забрав все полномочия наиба ус-салтане, упразднил эту должность (135, с. 81–82).

1.4. Центральные финансовые управления: Дивани-мамалик (управление государственными областями) и Дивани-хассе (управление шахскими областями)

Одним из важных факторов образования, развития и укрепления большинства государств, возникших как на Западе, так и на Востоке, было их финансовое обеспечение и формирование с созданием финансовых учреждений. С этой точки зрения империя Сефевидов, как одно из крупнейших государств Востока, имела своеобразную, сложную финансовую систему.

Территория владычества Сефевидов называлась «мамалик махрuse» («подчиненные страны»). В некоторых первоисточниках встречаются ссылки на «вилаяти мамалики махрuse» («области подчиненных стран»). Под понятием мамалик подразумевается государство, определенная земля, площадь территории, именуемая областью. Как отметил В. Ф. Минорский, мамалик и, в целом, правительственные провинции или губернии страны управлялись в форме дивани-мамалик. А это вносит различие в названия «хассе» и «халисе» (135, с. 39).

Разделение земель империи Сефевидов на государственные земли и принадлежащие шаху

султанские земли говорит о том, обе они являются отличающимися друг от друга формами собственности, а это повлияло на формирование государственной финансовой системы.

В соответствии с формами собственности финансовые дела государства делились по трем основным финансовым управлениям: «дивани аль-мамалик» – по финансовым делам земель, принадлежащих государству; управление «хассе» – по финансовым делам земель, относящихся к собственности шаха; а вопросами управления ремесленничеством и другими хозяйственными учреждениями занималось отдельное финансовое учреждение. Главным финансовым управлением государства считалось «Дивани аль-мамалик», прочие финансовые учреждения подчинялись «Дивани аль-мамалику» (190, с. 7).

Затрагивающий данный аспект В. В. Бартольд отмечает в труде «Туркистан»: «Все исламские порядки Востока, т. е. все управленческие дела, будто красной чертой, делятся на две части. Эти две части состоят из дворца и канцелярии (22, с. 286). Управление всеми деньгами в финансовой системе проходило под надзором диванов «хассе мал», «масалех малы» и «амма малы». В период Сефевидов слово «хассе» являлось формой, развившейся из термина «инджу», употреблявшегося во времена Эльханов. Так, при условии наличия вилайетов мамалик и хассе, два дивана, т. е. дивани-мамалик (государство) и дивани-хассе считались двумя главными управлениями, контролирующими сбор налогов и повинностей. Управление «Дивани аль-мамалик» возглавлял главный визирь. Он, руководя непосредственно хозяйственно-финансовой деятельностью этого финансового учреждения, контролировал и деятельность других финансовых учреждений государства (190, с. 8).

Управление таким крупнейшим государством, как Сефевидское, послужило причиной создания как в центре, так и на местах многочисленных государственных органов управления, в этих учреждениях осуществляло деятельность большое число чиновников. Для материального обеспечения этой армии чиновников, шахского дворца, армии, занимавшейся защитой страны, требовались значительные средства. Основная часть этих средств собиралась исключительно в виде налогов с земель, принадлежавших шаху, и других пошлин и включалась в тетрадь «Дивани аль-мамалике» с учетом в финансовых учреждениях.

При назначении правителя на государственные земли (аразе-и диван) эти земли по указу шаха передавались в качестве тиуля правителю провинции. Тиуль передавался в двух формах: на определенный срок в связи с назначением на должность и пожизненно по указу шаха. При увольнении тиулдара с должности, переходе его на другую должность или его кончине временно предоставленный ему тиуль отнимался и передавался другому. С другой стороны, шах в любое время мог отобрать это его право на тиуль. Поэтому у владельца тиуля не было прав продать, подарить этот тиуль, а когда к правлению приходил новый шах, право тиулдара на владение тиулем вновь утверждалось по его указу (163, с. 184–196).

Часть доходов от государственных земель местные правители тратили на собственные нужды, другую часть расходовали на содержание армии и управленческого аппарата. Если в государственных провинциях не было земель, принадлежащих шаху с этих земель взимался налог (пошлина), часть которого посылалась во дворец натурой в виде самого лучшего урожая провинции, а другая часть уплачивалась в денежной форме. Помимо этого тиулдары наряду с другими подарками обязаны были преподнести шаху новогодний подарок (новрузи) (205, т. 4, с. 380). По словам Кемпфера сумма новогоднего дара, который беглярбек преподносил шаху, достигала двух тысяч туменов (40, с. 160).

Другая часть дохода от тиуля отдавалась на волю местного правителя и он мог распоряжаться этой суммой по своему усмотрению. Часть этого дохода тратилась правителями провинции на удовлетворение материальных запросов местных органов управления, и это одновременно освобождало государственный бюджет от выделения средств на эти цели.

Тиулдары имели право внутри тиуля, которым они владели, принимать любые решения, не нарушая существующие в стране законы. Однако не могли назначить тяжкое наказание. Тиулдар считал тиуль своим частным имуществом и был самостоятелен в управлении тиулем и в обращении со своими поданными.

Правители, назначенные в провинции, считались также правителями столичных городов, входящих в состав провинции, и им причитался доход и от этих городов. На этот доход хан должен был содержать 2-тысячное войско и обеспечивать работающих в его дворце служащих жалованьем и продуктами, и возмещать другие предусмотренные для них затраты. Кроме столичных городов, правителю провинции и ханам передавались в форме ульки города, поселки, населенные пункты, также входящие в территорию провинции, и право собирать налоги в этих пунктах также принадлежало правителю (76, 594–595).

Наделение улькой также была связано с назначением на должность: она передавалась с назначением на должность и отнималась при увольнении с должности. Лицам, назначенным на различные должности в провинции и получившим чины, улька также выделялась по указу шаха. Тиуль передается правителям областей и провинций, и вся территория возглавляемой правителем провинции входила в его тиуль. А улька передавалась назначенным на территорию провинции должностным лицам, и по указу шаха они становились владельцами всей прибыли ульки. Все чиновники управленческих органов, которые существовали в составе ульки, обеспечивались за счет собранных налогов и прибыли. Доход от ульки причитался владельцу ульки, а с этого дохода налоги и другие повинности не взимались. В указе Шаха Аббаса I, изданном в 1587 году по поводу находившейся в Мугани ульки Шафи Ахмед Шейха Чобанлы, говорилось: «Правителям, тиулдарам, даругаларам, калантарам и чиновникам дивана с названной ульки никаких налогов не взимать» (143, с. 155).

Источники показывают, что области, провинции, города, населенные пункты, входящие в государственные земли, имели значительный годовой доход. Часть этого дохода в виде налогов в централизованном порядке входила в государственный бюджет. Годовой доход правителя Южного Азербайджана, как одной из крупнейших провинций государства, составляла 30 тысяч туменов (205, т. 4, с. 423), годовой доход Иреванского хана составлял 20 тысяч туменов, Карабахского правителя – 28 614 туменов и годовой доход Ширванского правителя составлял 35 542 тумена (137, с. 77–78).

Правители держали под постоянным контролем и учетом источники, составляющие основную прибыль провинции. Они сами назначали сборщиков налогов и самостоятельно определяли размер налогов. Перед сбором налогов составлялся список находившихся в провинциях мужчин, лошадей, быков, коров, буйволов, ослов, домашней птицы, виноградников, мельниц и ремесленнических мастерских, определялся налог и регистрировался в канцелярии-тетради (224, с. 88–89). Однако их финансовая деятельность была под постоянным контролем центральных финансовых управлений. Основные источники дохода провинции регистрировались в специальном реестре (тетради) канцелярии и дивани-мамаликом определялись основные показатели и назначение затрат финансовых средств, собранных в бюджете провинции, правители провинции во время расходования бюджетных средств должны были следовать этим показателям.

Таким образом, доход, поступающий от налогов, собранных с провинций, областей, городов и других населенных пунктов, входящих в государственные земли, поступает в бюджет провинции и после удержания налога (пошлины) с этих средств в пользу шаха, часть оставшихся средств выдается в виде жалованья чиновникам, работающим в центральном государственном аппарате, на основании денежного перевода, полученного от дивана, а жалованье работающим в местных органах управления чиновникам выплачивалось в виде расм аль-вазаре, расм аль-садаре, расм аль-мустоуфи, расми даруга, расми-калантари. Оставшиеся средства расходовались на содержание находящейся в провинции армии, уходили на затраты местных правителей, благоустройство провинций, городов и поселков.

В основные провинции, не являющиеся хассе, правители назначались пожизненно, и правление передавалось по наследству. Такие правители во внутреннем управлении страной были относительно самостоятельны. Ввиду того, что правление их носило не временный характер, они были заинтересованы в улучшении положения населения провинции и в развитии ее экономики. Самостоятельные правители, назначенные пожизненно, часть дохода управляемой им провинции расходовали на ее собственные нужды. Иногда в связи с войной правители приграничных провинций менялись и назначались временные правители. В таких случаях хозяйственная жизнь провинции нарушалась и шла к упадку.

А дивани хассе возглавляло управление государственным имуществом. За его счет во главе с раиси-мустоуфэи-хассе содержался хассе дивани. Этот мустоуфи подчинялся мустоуфи аль-мамалику страны. Территория хассе управлялась назначенным шахом мубаширом (визирем) (135, с. 41). Значит, должности по признаку территории делились на два управления – хассе и амма, т. е. дивани-мамалик и дивани-хассе, и относились как к садарату, так и к вазарату. Сборщик урожая с имущества хассе назывался «забити мехсулати хассе-йи шарифе». Например, в период шаха Тахмасиба забити мехсулати хассе-йи был Фархад бека Исфахан (95, т. 2, с. 852). Кроме этого во всех везаретах округов имелись должности хассе визиря.

В. Ф. Минорский, ссылаясь на Шардена, отмечает, что управление хассе впервые внедрилось во времена шаха Сафи I (1629–1642) его главным визирем Сари Таги (135, с. 42). Однако на самом деле разделение должности садарата на хассе (государство) и амма (мамалик) в первые годы правления Сефевидов происходило из обычной практики.

Имущество хассе было основным доходом шаха. После того, как возглавлявший провинцию визирь забирал себе 10 процентов дохода, поступавшего от провинций, относящихся к имуществу хассе, оставшиеся средства целиком сдавались в шахскую казну. Другого дохода кроме этого у правителей городов хассе не было (182, с. 136). Поэтому шах был заинтересован в преобразовании государственного имущества в имущество хассе. В частности, во времена Шаха Аббаса I после того, как большинство государственных земель было преобразовано в имущество хассе, управление этими землями было возложено на назначаемых шахом надзирателей. Такая политика значительно уменьшила влияние правивших областями эмиров-кызылбашей, с одной стороны, а с другой – Шах Аббас за короткий срок смог разрешить свои материальные затруднения. Однако в результате экономической политики такого рода стране был нанесен большой урон и это привело к спаду экономики. Вследствие этого в последующие годы уменьшился размер собиравшихся налогов. С другой стороны, в областях хассе у шахских надзирателей был только один интерес: собрать как можно больше налогов и, сдав его в шахскую казну, тем самым сохранить свою должность. Так как в связи с этим у надзирателей не было никакой заинтересованности в областях хассе, делам по управлению областью значения не придавалось. В результате насильственного сбора налогов жизнь в области стала тяжелой. С другой стороны, политика преобразования общего имущества в имущество хассе привела к длительному ослаблению страны с военной точки зрения.

В частности, вследствие ускорения преобразования общего имущества в имущество хассе в последующий после Шаха Аббаса I период, во времена Шаха Сафи (1629–1642), Шаха Аббаса II (1642–1666) в имущество хассе были переданы и приграничные области (при условии, исключения того, что в военное время правителями этих областей назначались кызылбашаи). В итоге из-за долговременной политики преобразования областей страны в имущество хассе аль-салтанат страна была ослаблена как с экономической, так и с военной точки зрения (175, с. 78). Шарден, затрагивая этот вопрос, пишет, что имущество хассе, тирания шахских мубаширов, насильное требование ими от населения незаконных налогов и повинностей привели к развалу страны. Шахские мубаширы при своем назначении на должность мубашира над имуществом хассе брали деньги в долг, чтобы дать взятку за получение согласия у придворного люда, обитательниц гарема. Для восполнения денег,

отданных в виде взятки, они мучили народ, так как были уверены, что в случае если подданные будут жаловаться на мубарширов, их дворцовые защитники пренебрегут этими жалобами и не допустят, чтобы заявления жалобщиков дошли до шаха (135, с. 42).

После Шаха Аббаса I влияние представителей власти и правителей в пределах империи Шаха Аббаса II несколько ограничилось. Многие провинции, в том числе находящиеся в отдалении от пограничной зоны провинции Гилан, Казвин, Мазандаран, Язд, Керман, Хорасан и Азербайджан были переданы в имущество хассе. Передача провинций в имущество хассе и стекание налогов и повинностей с этой территории в шахскую казну, самовольство в этих провинциях мустоуфиев (финансовых работников) и незаконный, насильственный сбор с подданных налогов послужили началом упадка Сефевидского государства. В шахских областях размер налогов, собираемых мубаширами, мустоуфи, даруга и другими, неуклонно повышалось, беззаконие при сборе налогов продолжалось, положение населения ухудшалось, нарушался ритм хозяйственного развития.

Роджер Сейвори верно заметил, что приграничные области быстро преобразовывались в имущество хассе. Во время войн кызылбаши вновь назначались правителями этих областей. Они хорошо обеспечивали их защиту. Когда область отдавалась эмиру-кызылбашу в виде тиуля, он имел право для защиты области брать оттуда доход в определенном размере. Поэтому правителя, назначаемого в область хассе интересовала не защита области, а ее доход (175, с. 78).

В конце XVII века основную часть бюджета шахского дворца составлял доход от имущества хассе. В это период в шахское имущество хассе входили Мазандаран, Гилан, Исфахан, Язд, Гум, Сава, Лар, Шираз и другие области. Доход от этих областей тратился на затраты шахского дворца, расход гражданских и военных должностных лиц и других шахских чиновников. Оставшаяся часть дохода сдавалась в казну. Управлением шахскими областями руководили назначаемые шахами люди. Эти лица, называемые визирями, имели полные экономические и политические полномочия по управляемому ими имуществу хассе. Значительную часть их работы составлял сбор налога на зерно. Чтобы обеспечить затраты, связанные с этой работой, они были обязаны направлять в канцелярию собранную за год долю. Возделываемые земли иногда передавались крестьянам в постоянное пользование. После отправки в шахскую казну определенной заранее части урожая, крестьянин мог свободно использовать оставшуюся часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, перейдя по ссылке <http://www.litres.ru/nazim-dzhafarli/azerbaydzhanskoe-gosudarstvo-sefevidov/?lfrom=329574480> и купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.